

Марина Ледовская

Звук шагов в
порывах ветра

Марина Ледовская

**Звук шагов в порывах
ветра. Книга четвёртая**

«Автор»

2020

Ледовская М. В.

Звук шагов в порывах ветра. Книга четвёртая /
М. В. Ледовская — «Автор», 2020

Роман «Звук шагов в порывах ветра» является заключительной частью тетралогии – саге о семействе Фертовских-Зориных. Действие романа происходит спустя почти два с половиной года после последних событий, описанных в книге «На грани доверия». Семья профессора Фертовского жаркие июльские дни проводит на отреставрированной семейной усадьбе. Но идиллическую дачную картину нарушает приезд сына профессора - Николая, который случайно увидел на столичной выставке мужских украшений аграф, когда-то украденный вместе с коллекцией его отца. Начинается расследование. А тут ещё и в Беляниново у соседа Зориных обнаруживаются пуговицы-бляшки, точно такие же были в коллекционном гарнитуре Фертовского-старшего - его дяди. Параллельно развиваются события и в семье Данилевских. Чей злой гений так виртуозно ссорит молодых и вынуждает их едва ли не подать на развод? Ответы на все эти вопросы читатель получит, прочитав роман «Звук шагов в порывах ветра».

© Ледовская М. В., 2020

© Автор, 2020

Марина Ледовская

Звук шагов в порывах ветра. Книга четвёртая

Глава 1

В дверь тихо поскребли, затем ещё раз и ещё. Минут через пять послышался скулёрж.

– Ну, иду-иду, – сонно отозвалась Мира, села на кровати, одним глазом посмотрела на часы, находящиеся на прикроватной тумбочке. – Ох, ты! – поняла, что погулять с Беней толком и не удастся, только быстро его вывести и обратно. В противном случае они не успеют в аэропорт.

– Димка-а-а! – Мира дёрнула одеяло. – Вставай! – крикнула уже у двери спальни. Беня от нетерпения подпрыгивал и визжал. Мира, вовремя и плотно закрыв дверь, не пустила пуделя в спальню.

Данилевский что-то пробурчал, продолжая спать, повернулся на бок, подоткнул под себя одеяло. Вообще-то рано вставать в законный выходной – просто преступление.

Мира вышла во двор.

– Бенджамин, у тебя ровно семь минут, – сказала она псу, тот, словно поняв хозяйку, радостно закивал и весьма резво смылся в конец двора за большой кустарник.

Мирослава подняла голову к небу. А воскресное утро в столице было чудесным. В летнем мегаполисе, привыкшем ложиться спать весьма поздно, раннее утро казалось особенно прекрасным – тихим, безмятежным. Ни шума автомобилей, ни спешащих прохожих. Только залиты солнцем окна да мигают светофоры. Такая кротость, правда, ненадолго. Вот уже проскочили первые две иномарки. Вслед за ними, прибывая летнюю пыль, заработала поливальная машина.

– Данилевский, ты ещё в постели? – Мира появилась в спальне с зубной щёткой в руках, пудель поел и теперь возил пустую миску по полу. Ему всегда казалось, что еды дают слишком мало. – Беня, хватит греметь миской, а тебе, драгоценный мой муж – хватит спать! – она схватила одеяло и откинула его в сторону. Дима открыл глаза, посмотрел на жену.

– Ты особенно красива в зубной пасте, – улынулся. – Иди ко мне.

– Ты меня не слышал? – возмутилась Мира. – Посмотри на часы. Если через десять минут мы не выйдем из дома, то не успеем встретить наших. До аэропорта ехать и ехать. А ты всё ещё в кровати. Меня удивляет твоё легкомыслие, – она, проигнорировав протянутую мужем руку, покачала головой и ушла.

– Встаю-встаю, – Дима спрыгнул с кровати, через секунду был уже в ванной комнате. – Я быстро, – сказал это уже из душевой кабинки. Тут же высунулся из неё, – могла бы и поцеловать. – В этот момент в ванную комнату сунулась собачья голова.

– Кого поцеловать? – уточнила Мира и кивнула в сторону собаки.

– Обоих, – засмеялся Данилевский. – Хотя, нет, только меня. Я красивее и чище. Беня, кыш отсюда, – крикнул он, голова пса тут же исчезла.

– Это спорное утверждение, – Мира собрала на затылке в хвост свои длинные пушистые волосы, перетянула их резинкой, посмотрела на мужа – он бодро растирался полотенцем.

– Это аксиома, – Дима отбросил полотенце в сторону и притянул Миру к себе. Поцеловал в губы, сначала едва касаясь, затем страстно.

– Э-э, что ты надумал? – возмутилась она, почувствовав его возбуждение, но на поцелуй ответила.

Из дома выскочили оба покрасневшиеся и на полчаса позже, чем планировали. Данилевский надел очки, пристегнулся, быстро выкатил автомобиль со двора.

– Дим, не гони так, – Мира тревожно смотрела на дорогу.

– Мы основательно опаздываем, – он обогнал сразу два автомобиля.

– Во-первых, не надо было так долго спать, я тебе говорила вставать, – Мира посмотрела на мужа.

– А во-вторых? – он хитро прищурился и растянул губы в многозначительной улыбке.

– А во-вторых, смотри на дорогу, – Мира показала ему язык. Прошло два с половиной года, как они поженились. За всё это время они ни разу не поссорились, точнее, с Данилевским это просто не получалось. Он был невероятно терпелив и спокоен, спорные вопросы решал мудро и рассудительно, к капризам Миры относился с пониманием или с иронией. Несдержанность его проявлялась лишь в одном – он всегда желал свою жену, по-мальчишески её поддразнивал и подтрунивал.

– Так я смотрю, – пожал плечами и опять улыбнулся. Нашёл руку Миры и быстро поцеловал её в ладонь.

В аэропорт всё-таки опоздали, Всеволод с супругой уже ждали их с багажом. Как назло, рейс не задержали, и самолет прилетел вовремя. Всеволод увидел брата первым, поднял на лоб тёмные очки.

– Мапочка, – крикнула Мира и побежала. Она не видела маму почти два года, с того момента, как та вышла замуж за Севу и тот новоиспечённую жену почти сразу увёз за границу. На реабилитацию. На самом деле, причина была не только в этом. Всеволод понимал, какова будет реакция их с Димкой матери на такое известие – его женитьбу на матери Мирославы. Рано или поздно она, конечно, узнает. Но пусть будет поздно, как можно позднее. Она так и не смирилась с браком младшего сына, а выбор старшего – Сева и думать об этом не хотел. Поэтому отъезд был поспешным и надолго.

Мать и дочь обнялись. Затем Дима обнял тещу и невестку в одном лице. Как только Сева женился, они на эту тему сразу начали шутить. Анна Андреевна попросила зятя и дальше называть ее «мамой Аней».

– Всё смешалось в доме Облонских, – пошутил Всеволод, легонько щёлкнул Миру по носу. – Ну, привет, наши дорогие! Наконец-то, мы вернулись в Россию, – обвёл взглядом толпу спешащих людей.

– Давайте ваши чемоданы, – Дима взял из их рук багаж и покатил к выходу. Всеволод поправил большую сумку на плече, улыбнулся жене и пропустил её и Миру вперёд.

– Старичок, ты сменил машину? – удивился Всеволод, садясь на переднее сиденье новенького Нисана. Анна Андреевна и Мирослава сели сзади и оживлённо болтали.

– Да, сменил, кстати, взял не за баснословную цену, – Дима посмотрел в зеркало заднего вида, отъезжать стал аккуратно. – Попалось хорошее предложение, я им воспользовался.

– Молодец, твоя практичность меня радует, – одобрил старший брат, но в следующий момент нахмурился.

– Сев, что-то не так? – Дима моментально заметил перемену в настроении брата. – Прости, что мы опоздали в аэропорт. Мы проспали, да ещё Беню надо было вывести на улицу, он ждать не станет.

– Всё хорошо, Димка, мы не в обиде. Я думаю о другом, – он внимательно посмотрел на брата.

– Ты переживаешь, что вы вернулись? Это из-за матери, да?

Глава 2

Николай стоял в «пробке» уже час. Любые направления из столицы в область были максимально загружены транспортом. Особенно вечер пятницы. Москвичи изо всех уже после

полудня стремились покинуть душный и так надоевший за неделю мегаполис. Отправлялись на дачи и в деревни. В этом году семейство Фертловских тоже на лето переселилось на дачу. Отец, наконец, созрел и принял решение отремонтировать когда-то родовое поместье.

Начало лета выдалось тёплым, а потом – к началу июля – и вовсе установилась жара. Недалеко от усадьбы протекала речка, один из берегов которой использовали как пляж. На дереве рядом даже висела «тарзанка», с которой местные мальчишки, раскачиваясь, прыгали в воду. Одним словом, летняя идиллия.

Дом привели в порядок, сделали в нём детскую. Во дворе поставили песочницу и качели, борьба за которые между Сашей и Ванечкой разыгралась нешуточная. Саша с малолетства обожала качели, а тут появился конкурент. Самое забавное, что этому конкуренту было почти два с половиной года, и он считался её родным дядей. Это обстоятельство никак не укладывалось в голову восьмилетней Саши, поэтому Ваню она считала не иначе, как братиком. В городе они виделись не так часто – Александра теперь ходила в школу. А здесь, на даче, поселились в одной комнате, куда поставили ещё и кровать для Саши. В первый же день Иван провёл ревизию среди вещей и игрушек Саши, отчего получил шлепок по мягкому месту. Он нацелился было зареветь, однако родственница заявила с таким выражением лица «фу, ну зареви ещё как девчонка!», что он передумал.

Потом была борьба за качели – визги, вопли и даже укус за ухо. Надя умоляла дочь уступить Ванечке, ведь он же маленький. Саша уступила, но надулась. Владимир Григорьевич принял Соломоново решение – повесил вторые качели. Для внучки. Но Иван хотел качаться именно на тех качелях, где сидела Саша. В один прекрасный день они вдвоём втиснулись в одни качели и, обнявшись, так и качались. Больше за этот предмет не ссорились.

Николай закурил, опустил до конца стекло автомобиля, продвинулся по шоссе ещё на несколько километров. Когда же он, наконец, доедет до дачи? Надя уже звонила дважды. Телефон опять ожил.

– Николя, привет, братишка! – послышалось на том конце.

– Привет, Вадим, – Николай погасил сигарету. В своём ряду автомобилей продвинулся ещё на несколько метров.

– Как дела? Чем ты занят? – они давно не созванивались. Закрутились все в своих заботах – у Зориных прошлой зимой родилась дочка. Вика полностью посвятила себя материнству, Вадим, кроме основной работы, устроился преподавать ещё в одном ВУЗе.

– Еду на дачу к отцу, – сообщил Николай, – там всё семейство активно проводит лето. Надя вот уже неделю как в отпуске. Я, как только предоставляется возможность, еду туда, очень скучаю по ним. А вообще, надела работа, тоже хочется в отпуск, – он вздохнул.

– Если честно, я тоже устал, – признался Вадим. – С тех пор, как мы все вместе отдыхали на Кипре, у меня отпуска больше не было. Хорошо, что хоть летом не надо преподавать. Зато работы море. Кстати, мы сейчас тоже в дороге, едем в Беляниново. Вика тебе привет передаёт, – он повернулся к жене, та что-то искала в телефоне, а дочь в своём кресле на заднем сидении спала. Уснула недавно, то пела, что-то лопотала. Неугомонная.

– Спасибо, ей тоже привет. Давно вас не видел, – улыбнулся Николай.

– Так приезжайте к нам в Беляниново, – предложил Вадим. – Для разнообразия погостите и на нашей даче. Июль только начался, самый разгар лета. У нас тоже есть, где купаться, есть лес. Да что я тебе рассказываю, ты сам всё знаешь. Именно в Беляниново круто поменялась и твоя, и моя жизнь.

– Это верно, – согласился Николай. – Ладно, приглашение принято, мы с Надей обсудим и, скорей всего, навестим вас.

– Не скорей всего, а приезжайте, будем вам очень рады, – сказал Вадим, увидел впереди табличку-указатель, осталось ехать совсем немного.

– Договорились, приедем, – пообещал Николай, посмотрел на часы. Хотя бы вернуться засветло.

Через полчаса поток машин заметно уменьшился, часть из них свернула на грунтовые дороги, кто куда. Фертовский прибавил газу.

– Ура! – Саша первой увидела автомобиль отца, выскочила из дома. – Папочка приехал!

– Ула! – заорал Ваня, выскакивая за ней. – Ника плехал!

Так он называл старшего брата.

Николаю, казалось бы, не склонному к сентиментальности, каждый раз безумно нравился этот момент, когдаходишь в дом, а твой ребёнок бежит навстречу с радостными возгласами и обнимает тебя за ноги.

Он, вспомнив о сыне, тяжело вздохнул. За то время, что прошло после их последней встречи, о Володе никто из семьи ничего не слышал. Николай теперь уже стал сомневаться – его ли видел тогда на Кипре и видел ли вообще? Турчанинов в первое время созванивался с Вадимом и сообщал, что Бику дали срок, тот, кто свёл его с Володи, исчез бесследно. О гарнитуре тоже никаких известий. В общем, цепочка оборвалась. Хотя... Николай именно сегодня был уже неуверен – оборвалась ли...

Он, пока всем семейством ужинали на веранде, бросал на отца многозначительные взгляды. Удастся ли им сегодня поговорить наедине? И хотя отец за прошедший период не только не постарел внешне и не сдал своих позиций, ведь у него родился ребёнок, теперь надо изо всех сил сохранить долголетие, Николай не был уверен, что новость, которую он сообщит, не расстроит его, не отразится на здоровье. Но промолчать – тоже не годится. Тем более они с некоторых пор условились: по возможности ничего не скрывать друг от друга, хватит уже тайн. От них одни проблемы.

По центру стола важно пыхтел самовар, хозяин дома то и дело подливал домочадцам чай, пахнувший мятой и чабрецом. Саша хрустела маковыми сушками, прижималась к отцу – соскучилась. Надя принесла тонко нарезанные дольки лимона, одну из них положила в чашку свёкру. Маша внимательно следила за Ваняткой. Он периодически тянулся за конфетами в вазочке, которую Маша отодвигала всё дальше и дальше от сына. Ваня пыхтел и не оставлял попыток достать такие желанные, но запретные конфеты. Заметив, что Саша сняла со своего куска торта верхний слой – глазурь, и не съела её, а оставила в блюдце, он подошёл к ней и, тыкнув пальцем в блюдечко, спросил:

– Почему ти не ешь?

– Не люблю, – пояснила Саша.

– А я юбю, – он состроил смешную гримасу, подтянув верхнюю губу к носу.

Сидящие за столом расхохотались.

Через несколько минут Маша, несмотря на протесты, увела сына спать. Саша ещё полчасика попросилась посидеть возле отца. Николаю хотелось и с отцом поговорить, и побыть с дочерью. Вскоре Саша стала клевать носом прямо за столом. Николай подхватил её на руки и отнёс в детскую. Там Ванятка видел уже пятый сон.

– Надюш, – обратился Николай к жене, – мы с отцом посидим ещё на веранде, хорошо?

– Конечно, родной, – она кивнула, – я почти всю посуду убрала со стола.

– Не волнуйся, оставшееся я сам уберу, – Николай обнял жену и поцеловал в макушку.

– Пап, – он сел напротив отца, тот глотнув остатки остывшего чая, задумчиво смотрел вдаль.

– Сынок, – Владимир Григорьевич не дал ему договорить, – я вот что думаю: а не пойти ли нам завтра с тобой на рыбалку? Рано утром посидим за удочками, расслабимся.

– Хорошая идея, – тут же согласился Николай. А сам подумал, что как раз там и поговорит с отцом.

Глава 3

– Как же хорошо дома, – Анна первой вошла в квартиру. Всеволод следом нёс чемоданы, – вы с Димой правильно сделали, что в своё время не сильно изменили дизайн квартиры, – она повернулась к супругу, – я так люблю всё, что есть в этом доме. Я к нему привязана из-за того, что слишком много времени в нём провела, – она умолкла.

– Аннушка, – Всеволод прижал жену к себе – такую маленькую, хрупкую. Пока они были за границей, она ещё больше похудела, врачи посоветовали. Меньше нагрузки на ноги. – Я всё думаю: как я раньше жил без тебя, мой светлый человек.

– Сева, ну что ты, – она подняла голову и смущённо посмотрела в глаза мужа.

– Это правда, – он ещё крепче прижал её к себе. Опять вспомнив о матери, нахмурился. Пока были в Европе, словно на другой планете, старался не думать о том, что может ждать его на Родине. И получалось. Несмотря на некоторые трудности в лечении и реабилитации Анны, Всеволод понял – это было самое счастливое время в его жизни. А что теперь... Он же не маленький мальчик, чтобы бояться собственной матери, её реакции на его поступки и его выбор. Да и материально он давно уже не зависим от неё. Но почему, как только он ступил на родную землю, в душе поселилась тревога? Потому что его собственная мать не просто богатая надменная особа, но и от неё не знаешь, чего ожидать. Она абсолютно непредсказуема. И способна на многое. Когда-то Димка так и сказал, Всеволод отмахнулся, а теперь и сам был склонен так думать. Хотя, живут же они с Мирой, и уже третий год, матери не удалось помешать им, не разрушить их брак. Но суть в том, что Мира всё-таки молодая и здоровая. А вот Аня... Она не просто старше Всеволода, она – мать Мирославы. Всё сложно и всё просто, потому что они счастливы. Но мать этого не поймёт. Никогда. Он опять вздохнул.

Несмотря на усталость от перелёта, Всеволод ночью никак не мог уснуть. Он бесшумно поднялся с кровати, вышел на балкон. Ночь была тёплой, хорошая июльская ночь со звёздным небом, безветрием и едва слышным вдалеке пролетающим транспортом. Старый двор, где всё ещё сидели на лавочках, провожая взглядами прохожих, обсуждали новости, ругая правительство, эстраду и молодёжь. Всеволод уступил жене, согласившись жить в её квартире, понимая, как ей важно остаться именно здесь. По крайней мере, пока. А ещё он подумал о том, что мать по его адресу быстрее обнаружит то, что старший сын постарался скрыть от неё. Да, он ничего не сказал матери о том, что женился. Лишь вскользь упомянул о том, что уезжает в Европу на долгий срок – новый проект, новые перспективы. И всё. Чуткая Аня никогда его не спрашивала по поводу матери. Эта тема была под негласным запретом.

– Эй, мужик, – раздался голос со двора, – не спится? Выпить хочешь?

Всеволод пригляделся, на детской карусели сидел тощий мужичок бомжеватого вида. Данилевский ещё пока не знал всех обитателей дома и двора.

– У меня есть, – тот вытащил из-за пазухи чекушку. – Только с закуской сложнее.

Всеволод озадачился: никогда в жизни не пил с бомжами да ещё во дворе дома. Ладно, чего уж там, всё равно спать совсем не хочется. Он натянул футболку, шорты и вышел во двор. Когда достал из пакета бутылку коньяка, бомж присвистнул.

– Ого! Никогда такой штуки не пил, – стал разглядывать бутылку в свете фонаря.

– Верю, – Всеволод усмехнулся, Монтобер не всем по карману.

– Это даже закусывать жалко, – мужичок понюхал содержимое бутылки. С сомнением посмотрел на своего нового приятеля.

– Наливай, что на него смотреть теперь, – Всеволод протянул стакан, который в последний момент прихватил из дома.

– Видать, тебе лихо, раз пьёшь с такими как я, – прозорливо изрёк мужичок и налил себе первому. Облизнулся.

– Давай вот только без этого? Не склонен я откровенничать и, уж тем более, исповедоваться, ладно? – пресёк его Всеволод.

– Без вопросов, начальник, как скажешь, – быстро согласился мужичок. – Будем здоровы! – выдал тост и заглотнул коньяк. – От ведь дрянь, какая, – вынес вердикт, когда опустошил свой пластиковый стакан.

– Так уж и дрянь, коньяк элитный, между прочим, – возразил Всеволод и опрокинул свой стакан. – И, правда, ничего особенного. Пьётся тяжело, рот обжигает. «Non omne quod nitet aurum est» – не всё то золото, что блестит. Пойду я, а? – он посмотрел на бутылку, перехватил просящий взгляд мужика. – Не переживай, коньяк тебе оставлю. Не напивайся только до упаду. Алкоголь облегчения не приносит и проблем не решает.

– Зато позволяет забыться, – возразил бомжик и прижал бутылку к себе.

– Иллюзии, друг, сплошные иллюзии, – с этими словами Всеволод отправился домой. Как ни странно, но после ночного похода во двор и стакана коньяка, он уснул довольно быстро.

Всеволод вышел на работу, окунулся в привычный водоворот дел, людей, событий и забыл о своих тревогах. Он каждое утро покидал старый район на окраине Москвы, целовал перед уходом жену, а вечером возвращался туда с каким-то особым удовольствием. Периодически к нему в офис забегал младший брат, и они вместе обедали.

– Я была уверена, что воспитала тебя правильно, – на пороге его кабинета внезапно появилась Фаина Витальевна, за её спиной секретарша ему делала знаки руками. Всё понятно – маму не остановит никто.

– Доброе утро, мама, во-первых, – Всеволод поднялся со своего места и пошёл ей навстречу, – а во-вторых, поясни мне, пожалуйста, свои претензии, – он жестом предложил ей сесть.

– Изволь, – она пожала плечами, села на краешек стула.

– Кофе, чай? – Всеволод переглянулся с секретаршей.

– Ничего не надо, – отчеканила Фаина Витальевна.

– Ну, нет так нет, – он опустился в кресло, – я внимательно тебя слушаю, – сцепил пальцы в замок. Поймал себя на том, что никогда раньше не испытывал такой нервозности в присутствии матери.

– Это я тебя слушаю, Всеволод, – она сдвинула брови. – Ты ничего не хочешь мне сообщить?

«Неужели успела узнать об Анне?!» – мелькнуло в его голове. Начинается.

– А что я должен тебе сообщить? – он напрягся ещё больше.

– Не догадываешься? – она уставилась на него взглядом-рентгеном.

– Нет. А что?

– Ты вернулся из-за границы и ни разу не позвонил мне! Два утра подряд я заезжала к тебе на квартиру, и мне никто не открыл.

– Дело в том, мама, – он не смог сдержать выдоха облегчения, – что я живу не у себя.

– Вот как? – она удивлённо приподняла брови. – И где же, могу я узнать?

– Да, я переехал к ... Димке. Временно, – нашёлся он.

– По какой причине?

– Ремонт, у меня в квартире начался капремонт.

– Ты мог бы переехать ко мне, – сказала она.

– Не мог, – быстро ответил он, – ну то есть, зачем мне тебя стеснять, мама?

– Да, в таком доме ты бы меня, конечно, стеснил, – иронично заметила Фаина Витальевна, – у твоего брата куда «больше» квартира. Да ещё там живёт его девка.

– Мама, Мирослава не девка, а его жена. Они любят друг друга, пойми, наконец.

– Я понимаю лишь одно: твой брат, женившись на этой особе, сделал огромную ошибку. Хорошо, что хотя бы ты меня не разочаровываешь. Ты – моя гордость, – она улыбнулась, посмотрела на сына. Высокий статный, да и лицом красив, в плане внешних данных перенял лучшее от неё и своего отца. А уж ум и хватку от неё – слава Богу. Вот только с личной жизнью как-то не получилось. Ну да ладно, это поправимо.

Всеволод посмотрел на мать – она выглядела довольной. Что ж, пока бурю удалось миновать. А дальше – посмотрим.

Глава 4

– Коля, сынок, – в открытом окне появился Владимир Григорьевич, – вставай, пора, скоро рассветёт. Только тихо, чтобы не перебудить весь дом, особенно Ванятку. А то этот пострелёнок увяжется за нами, – добавил уже тише. – Червяков я уже накопал.

– Иду, пап, – Николай закричал, вставать особо не хотелось. Уж очень рано, сейчас бы понежиться в тёплой постели, жену обнять. А, ладно. Рыбалка – дело хорошее.

Николай вышел на кухню, отец был уже там и собрал рюкзак. Удочки стояли у двери.

– Бери ведро и удочки, надень сапоги, вот они – за дверью, – скомандовал он. – Так что же я забыл? – он остановился посреди кухни, хлопнул себя по лбу. – Бутылка воды! Всё, кажется, остальное взял. Выходим!

Они бесшумно вышли из дома, прошли к воротам, оглянулись.

– Кто бы мог подумать, что на старости лет у меня появится ещё сын? – улыбнулся в усы Владимир Григорьевич, теперь уж можно было разговаривать в полный голос. На даче он перестал бриться, щёки покрыла лёгкая щетина, однако она ничуть не прибавила ему возраста. Наверное, потому что он, наконец, жил с собой в гармонии. – Увы, но с тобой я не оценил этого счастья в должной мере, – он сделал паузу, – ты уж прости своего старика, сынок?

– Пап, всё нормально, не переживай, – успокоил его старший сын. – Ваня – наша общая радость.

Они сошли с шоссе и свернули на грунтовую дорогу, а потом и вовсе на тропинку. Когда вышли на луг, туман стал рассеиваться, а воздух заиграл множеством золотистых и красных потоков. Солнце всходило. Всё вдруг проснулось, зашевелилось, заговорило. Трава была всё ещё седой от росы.

Путники спустились к реке, нашли удобное для клёва место и стали располагаться. Николай помогал отцу и одновременно наблюдал за ним. Никогда он не видел его таким простым и открытым.

– Ну что, для рыбалки всё готово, – сказал Фертовский-старший, последним этапом наживив червей на удочки для себя и сына. – Вперед! – Николай лишь кивнул.

Он знал, что утренний клёв должен быть безмолвным, ведь рыбалка – это своего рода молитва, уход в себя. Кончится утренний клёв, можно потом и поговорить. А пока... твоя спутница – тишина. Николай поднял голову к небу, – какое же величайшее и одно из самых простых блаженств на свете – вот так сидеть на берегу реки и удить рыбу. Непостижимо и одновременно так прекрасно – почувствовать себя частью природы, не её хозяином, а лишь пользователем, причём благодарным и бережным. Вот тогда она ответит тебе взаимностью.

Над ухом заскулил комар, потом ещё один. Даже это не может нарушить всей той прелесть, которую испытываешь, находясь на природе. Ну, по крайней мере, пока их не целый рой. А ещё слышно, исступлённо звенят кузнечики, щебечут птицы – каждая на свой лад, создавая общий оркестр дивной музыки.

А вот и первая рыбка. Поплавок начинает танцевать. Сидишь, напрягаешься, но не дёргаешь, потому что его теребит мелочёвка. И только когда поплавок резко уходит под воду, подсекаешь. И тогда на траве уже бьётся рыбинка.

– Так-так, – воскликнул Фертковский-старший, – с первенцем, сынок, – шутливо поздравил он. – Сейчас у нас азарт пойдёт. Знаю это как никто. Ага, вот и мой поплавок пошёл под воду, – он подсёк, хлоп – на траву приземлилась и его рыбка размером побольше – краснопёрка. – Давай их в ведро.

Через несколько часов наловили столько, что ведро стало почти полным. Вот тут и азарт пошёл на убыль, да и клёв стих. Близился полдень, солнце добросовестно палило на всю округу. Комары от прямых лучей светила попрятались. Владимир Григорьевич сел возле ведра и принялся потрошить рыбу, а Николай всё рыбачил, но уже просто так, не для клёва. Уж очень не хотелось двигаться.

Вдруг откуда-то появились бабочки – целая стая. Размахивая апельсинового цвета крыльями, они сели на удочку Николая. А затем и на него самого. Те, что были у лица, принялись слизывать с него пот, забавно щекоча своими усиками и нежными крыльями. Николай, боясь спугнуть их, старался не шевелиться. Он нечто подобное себе даже представить не мог. А бабочки всё не улетали. Более того, когда отец предложил ему подняться со своего места, а потом вернуться, они опять уселись на его длинную телескопическую удочку и на него самого.

– Пап, такое бывает, наверное, только в раю, – Николай давно не испытывал такого душевного подъёма, такой детской радости.

– Ох, Николя, в этой жизни есть всё: и рай, и ад. Наверное, чтобы мы научились сравнивать и понимать. А ещё беречь. Смотри, какая необыкновенная красота тебя посетила, одарила своим вниманием и даже заботой, это бабочки перламутровки, – сообщил он.

– Вот где истинное богатство чувств, вот где палитра настоящего художника – природы. Да-а-а, папа, я счастлив, – отозвался Николай. Он прошёл вдоль берега реки, которая переливалась миллионами искр на полуденном солнце, неспешно двигалась в своём русле, время от времени тревожа волнами листья кувшинок. Обернулся. – Пап, пожалуй, я искупаюсь, – крикнул, раздеваясь. Вбежал в воду, нырнул. В следующий момент голова его показалась уже почти на середине реки.

Владимир Григорьевич поднялся со своего места, поправил козырек бейсболки, полюбовался картиной, как сын красиво и ловко рассекает речную гладь, как доплыл до противоположного берега, затем повернул обратно, лёг на воду.

– Пап, хорошо-то как! – раздался его голос, он фыркнул, нырнул, подплыл к берегу.

– Не то слово, сынок, – согласился Владимир Григорьевич.

– Не хочешь ко мне присоединиться? – предложил он, всё ещё пребывая в воде.

– Наперегонки? – тот стал раздеваться. – Как раньше?

После того, как Николай намеренно уступил победу отцу, чуть-чуть отстав от него, оба довольные и слегка запыхавшиеся вышли на берег.

Оказалось, что отец, как заправский рыбак, всё подготовил на славу, взяв в поход не только хорошо заваренный благоухающий травами чай, но и приличный шмат сала с тонкой розовой прослойкой, чёрный с тмином хлеб, перья сорванного утром зелёного лука, по паре картофелин в мундире, чуть сморщенных, но вкусных. А ещё с десятков огурцов – маленьких складных, с пупырчатыми боками, таких по-летнему ароматных.

– Ого, даже это? – Николай увидел, как отец достаёт из рюкзака маленькую бутылочку водки.

– Мы понемножку, – отец подмигнул, разлил спиртное по стаканчикам.

– Скажу тост, пап: хочу выпить за всю нашу семью, за то, что мы теперь все вместе и нас так много. За тебя особенно! – сказал Николай.

– Почему за меня особенно? – искренне удивился Владимир Григорьевич.

– Потому что ты как глава рода сумел собрать нас всех, объединить. Да ещё в таком прекрасном доме – нашем родовом гнезде. Понятие семья не просто слово, а наша жизнь. Её уклад. За тебя, папа!

– Спасибо, сынок, – он усмехнулся. – Не думал, что к старости стану таким сентиментальным. Спасибо! – хлопнул сына по плечу. – Будем здоровы!

До конца этого дня Николай так и не решился рассказать отцу о том, что обнаружил на выставке в одном из павильонов столицы.

Глава 5

Василиса проснулась сразу, как только подъехали к Беяниново, сначала хлопала слипшимися от сна ресничками, потом сказала «мама», но плакать не стала, а с любопытством принялась смотреть в окно. Вика вышла из машины первой, взяла дочь за руку и повела в дом, Вадим тем временем поставил машину в гараж, подхватил вещи, внёс их в дом и тут же вышел наружу. Постоял на крыльце, окинул взглядом округу.

Хорошо-то как! Небо было чистым, без единого облачка, отливало такой синевой, что глаза просто отдыхали. Крыши домов блестели от солнца. За несколько лет коттеджный посёлок, тот, что был рядом – разросся, да и в деревне горожане купили несколько домиков и привели их в порядок.

Это хороший признак – обрадовано тогда решил Вадим. Тянуло его на природу, тянуло. Хотя вроде вырос в городе, и жил в нём большую часть времени, а всё равно хотелось из него вырваться, что он и старался сделать при первой же возможности. Сначала Вика удивлялась этому его желанию, затем подтрунивала, а потом и сама влюбилась в Беяниново. В его тихие тёплые вечера, когда можно посидеть на крыльце или на веранде с чашкой чая и просто слушать, как живёт округа, начиная от людей и заканчивая природой. А закат виден на всё небо – от края до края, такой лимонно-розовый. А утром если пораньше встать, то можно услышать тишину – благоговейную, безмятежную.

Летом, если отправишься на реку, то купание доставит истинное наслаждение, потому что вода в реке чистая и прохладная. На дне бьют ключи, а течение уносит даже самые грустные мысли. По крайней мере, так хочется думать.

А ещё можно отправиться в лес, наполненный всевозможными звуками, запахами, ветер здесь будто разговаривает с тобой. Жизнью наполнена каждая травинка, каждая букашка, спешащая по делу. Пахнет нагретая солнцем кора сосны. Пересвистываются птицы, сообщая лесу новости.

Вадим ещё немного постоял на крыльце, вошёл в дом. Виктория кормила дочь и одновременно готовила ужин. Завидев отца, девочка улыбнулась и сказала «тятя». Она отца называла тятей, один раз его в шутку так назвал дедушка, она запомнила. Вадиму нравилось это смешное «тятя».

– Что ты готовишь? – Зорин подошёл к жене, обнял её сзади. – Пахнет вкусно, – легонько поцеловал в шею.

– Ничего особенного, просто тушу картошку, мясо взяла готовое, его лишь надо разогреть, – пояснила Виктория, поправила очки. Посмотрела на супруга, одарив его улыбкой. – Вадимыч, я счастлива, по-настоящему, – призналась и тут же отобрала ложку у Василисы, которая пыталась запихнуть ложку в рот за щёку. Девочка уже поела и просто баловалась. На то, что мама отобрала ложку, Василиса отреагировала мгновенно, крикнув «неть!». Вика пригрозила ей пальцем.

– Мои дорогие, – Вадим усмехнулся и сел за стол. Потёр ладони, снял часы. – Знаешь, я тоже счастлив. Появление Васи, действительно, внесло в нашу жизнь не просто какие-то новые ощущения, что-то более яркое, оно внесло гармонию. И потом – я же до неё не знал, что такое быть отцом. А теперь понимаю – это самое прекрасное, что могло со мной случиться. Наша Васька – настоящее чудо, – теперь он отобрал у дочери свои часы, которую та успела стянуть со стола, и усадил её себе на колени.

– Она похожа на тебя, – Вика посмотрела на мужа, – такой же смешной чубчик на голове, густые длинные ресницы и задиристая.

– Ну, вот ещё, – возмутился Вадим, – нет у меня никакого чубчика и вовсе я не задиристый, – он щекотнул Василису. Она засмеялась.

– Между прочим, Ваську пора мыть и укладывать спать, – заметила Виктория, – и убери от неё подальше свои часы, смотри – опять тянется.

– Давай я сам её вымою и уложу спать, – предложил Вадим, подхватил дочь, усадил себе на шею и отправился в ванную комнату. Вика с умилением посмотрела им вслед. Зорин оказался очень внимательным и ласковым отцом. Даже когда был уставшим, всё равно находил время для дочери, читал ей, разговаривал и, конечно, баловал. Это была его принцесса. Он довольно быстро научился всему, что умеют заботливые отцы. Несколько раз звонил Фертовскому, спрашивал, вникал во всё, что говорил Николя. Одним словом, принимал самое активное участие во всём, что происходило в семье. Хотя временами мог уснуть прямо во время чтения книги Василисе, или даже игры.

Несколько раз Виктория заставляла умилительную картину, когда супруг, сидя, засыпал прямо на коврик детской, рядом, привалившись к нему, Василиса либо тоже спала, либо перебирала игрушки и ворковала. Ну и, как все девочки, могла начать рисовать карандашом ему прямо что-то на лице. Такое тоже бывало.

Вадим вымыл дочь, закутал её в большое банное полотенце, даже посушил волосы феном, как учила Вика, и отнёс дочь в кровать. Но Василиса спать не хотела. Она села в кровати и тянула к отцу ручки. Вадим покачал головой, смешно зацокал языком и взял дочь. Через полчаса убаюкиваний, придуманных на ходу песен-попурри, девочка уснула. Вадим ещё несколько минут постоял у её кровати, поправил одеяло и бесшумно вышел из комнаты.

– Вика-а-а! – Вадим наклонился над женой. Он поднялся ни свет, ни заря, уже успел попить кофе, проведать в детской дочь. – Мне надо съездить в соседнюю область, – Зорин надел рубашку, стал застёгивать пуговицы. – Помнишь, я тебе рассказывал про Серегу Шатрова?

– Это который хирург? – вспомнила Вика. – Он вроде бы долго болел?

– Да, он самый. Подхватил инфекционный гепатит, долго лежал в больнице, потом в санатории. За это время в его семье что-то случилось, что-то связанное с матерью и сестрой. Он звонил и просил приехать помочь. Толком не знаю подробностей, но чувствую, что там беда, – стал пояснять Вадим. – Ты мои часы не видела?

– Видела, они на кухне в салфетнице. А когда же ты вернёшься?

– Не знаю, но надеюсь, что скоро, – Зорин посмотрел на экран телефона.

– Ты мой спасатель, Зорин. Когда что-то случается, все звонят тебе, – заметила Виктория. – Ладно, поезжай, – села в кровати, потянулась. – Василиса ещё спит?

– Спит, я проверил. Что-то наш ребёнок разоспался. Похоже, так влияет чистый воздух и экология, – он чмокнул Вику в щёку, опять посмотрел на телефон. Пора, – не сердись, постараюсь вернуться как можно скорее. Пока-пока, – махнул рукой и исчез за дверью.

Вскоре проснулась Василиса, Вика покормила дочь, надела на неё платье, панамку и решила отправиться на прогулку. Девочка взяла с собой любимую игрушку – пушистого зайца, и пока они неспешно топали по краю дороги, лопотала на своём языке.

Они дошли почти до середины деревни, как увидели девочку лет восьми, которая сидела на старой изрядно истёртой шине у покосившегося забора. Девочка была не чёсаной, её светлорусые волосы торчали из спутавшихся косичек. Платье было несколько не по размеру – велико, тонкие голые ноги в мелких синяках и царапинах. На одном из сандаликов надорван ремешок. В руках девочка держала простенькую куклу.

– Привет, – Виктория подошла ближе, Василиса с любопытством уставилась на куклу, которую девочка заворачивала в обычный цветастый платок, затем показала на неё пальчиком и сказала «Катя!» Она всех кукол называла Катями.

– Здравсти, – тихо ответила девочка и подняла глаза на незнакомую женщину.

– Как тебя зовут? – Вика поразилась взгляду этого ребёнка. Глаза взрослого человека. Большие и печальные. – Меня Виктория.

– Валя, – ещё тише сказала девочка, сделала неловкое движение и кукла упала в траву. Стушевалась. Зато Василиса не растерялась, она довольно ловко выудила чужую куклу из травы и стала её рассматривать. Затем повернулась к маме.

– Мама, Катя, – поступила информация, примерно означающая, что ей нравится эта игрушка. Вика отрицательно покачала головой.

– Вася, это чужая игрушка, её надо вернуть, – сказала она. Василиса удивлённо приподняла брови. – Да, вернуть, у тебя дома есть своя Катя, а это чужая. Верни, пожалуйста, куклу девочке, хорошо?

Василиса подошла к девочке и, чуть помедлив, всё же вернула куклу. А затем и отдала своего зайца – сама, без всяких просьб. Что было в голове у полуторагодовалого ребёнка в тот момент – Вика не знала, но она вдруг почувствовала гордость за поступок дочери.

– Спасибо, – тепло поблагодарила Валя. – А почему её зовут Вася? – вдруг тут же спросила она, прижимая к себе неожиданно полученный подарок. – Разве так называют девочек?

– Называют, – засмеялась Виктория, – просто наша Вася – это Василиса, её полное имя. А сокращённо – Вася, – пояснила она.

– Василиса? – удивлённо переспросила девочка. – Как в сказке?

– Ну, можно сказать, да, как в сказке, – опять улыбнулась Виктория. – Мы хотим дойти вон до того поворота, пойдёшь с нами, Валя? – предложила она.

– Не могу, – девочка сокрущённо покачала головой. – Папка будет ругаться, он сегодня сердитый, – она опустила голову.

– Не грусти, мы ещё обязательно встретимся, – Виктория прикоснулась к её плечу, девочка вздргнула. А потом сжалась в комоч.

Она ещё долго смотрела вслед уходящей красивой тётеньке и её маленькой дочке.

Глава 6

– Николенька, у меня ощущение: как только ты сюда приехал, тебя что-то всё время гложет. Хотя ты и стараешься это тщательно скрыть, – сказала Надя. Она сервировала стол на завтрак в садовой беседке. Саша сновала туда-сюда и больше мешала, чем помогала. Ваня тоже крутился под ногами. Маша отправилась за молоком ещё утром, а Владимир Григорьевич о чём-то долго разговаривал по телефону. Его голос был слышен из открытого окна первого этажа.

– От тебя трудно что-либо скрыть, не перестану этому удивляться, – покачал головой Фертовский. Он сидел за столом и задумчиво смотрел вдаль.

– Просто я хорошо тебя знаю и люблю, – Надя обняла его сзади за плечи, поцеловала в кудрявые волосы на затылке. – Так что же случилось?

Вместо ответа Николя взял в руки телефон, полистал его меню, затем открыл одну из папок с фотографиями. Протянул жене.

– Кажется, прошлое решило напомнить о себе, – только и сказал он. Надя взяла телефон, стала внимательно рассматривать снимок. Увеличила его. Подняла глаза на Николя. – Ты хорошо помнишь содержимое семейного гарнитура? Ты же видела его тогда, да?

– Видела, – кивнула она. – Твой отец мне показывал все предметы. Понятно, что о сабле был особый разговор, но мне понравилась не только она и её история. В гарнитуре практически

всё уникально и по-настоящему красиво, – Надя сделала паузу. – Это ведь аграф? На снимке аграф? – вдруг поняла она.

– Аграф, – подтвердил Фертовский. – Мне надо точно знать, он из гарнитура отца или нет. Когда-то я тоже видел аграф, но мельком.

– Я не могу со стопроцентной уверенностью утверждать, – озадачилась Надежда. – Но очень похож, очень. Я держала его в руках несколько секунд, затем любовалась в ларце. Да, эта вещь может быть из набора, – она опять посмотрела на мужа. – Где сделала фотография, Николенька? И когда?

– Буквально вчера, – ответил он. – В одном из павильонов Москвы открылась выставка «Эндимион», посвящённая мужской моде и феномену щегольства в России середины XVIII – начала XX века. У меня было задание сделать серию снимков. Аграф мне не сразу попался, я сначала его вообще не заметил. Стенд, где он помещён, освещён более тускло, чем все остальные. Но когда я увидел украшение, то глазам своим не поверил. Была мысль расспросить о нём устроителей выставки, но как нарочно позвонили из редакции и меня срочно вызвали на съёмку в другое место. Я сделал несколько снимков и уехал. Решил, что спрошу у отца, а потом начну разбираться. Поэтому снимки аграфа я не отдал в редакцию. Оставил себе, – рассказал Николай. Дотронулся до руки жены, сжал её. Чувство было двояким: тревога смешалась с надеждой на то, что его сын может быть жив. – Решил показать отцу, он-то точно определит, из гарнитура аграф или мы ошибаемся.

– Так почему до сих пор не показал? – Надя села напротив мужа, внимательно посмотрела в его тёмные глаза. В них было беспокойство. У глаз прибавилось морщинок. Но он был по-прежнему весьма привлекателен.

– Ты понимаешь, – Николай сделал паузу, – у отца сейчас такой период, столько радости в жизни, что мне вдруг показалось жестоким напоминать ему о том времени, когда его предал и ограбил родной внук.

– В чём-то ты прав, но молчать тоже нельзя. Всё-таки надо выяснить, тот ли аграф или нет. А если мы ошибаемся, и эта вещь не имеет никакого отношения к семейной реликвии? Владимир Григорьевич развеет наши сомнения.

– Или подтвердит, – Николай вздохнул, – А если это тот самый аграф, что мы будем делать? – он стал тереть веки.

– Будем разбираться, каким образом он попал в коллекцию, откуда, кто владелец. Иного выхода нет, ты же понимаешь. – Надежда открыла баночку с джемом, поправила плетеную корзинку с хлебом, поднялась со своего места, сняла с подноса чашки, расставила их. Приоткрыла заварочный чайник, вдохнула запах свежесваренного чая. А кое-кто любит по утрам кофе, поэтому она отправилась на кухню. К тому же надо сварить кашу дочери и Ванятке. А то часть хлеба со стола они уже похватили и жевали, сидя на ступеньках дома.

– Понимаю, – сказал вслед жене Николай.

– Что ты понимаешь? – отец появился внезапно. Николай даже вздрогнул. – Кстати, я после этих разговоров с деканом жутко проголодался, – он пробежал глазами по столу, потёр руки. – Да и вообще, пора всему семейству собраться на завтрак. И почему так долго отсутствует моя супруга?

– Твоя супруга уже здесь, – Маша въехала в открытые ворота, ловко спрыгнула с велосипеда, сняла с него привязанный бидончик с молоком. – Всем доброе утро! – бодро крикнула она, подхватила на руки бегущего к ней сына.

– Доброе утро! – Надя высунулась из окна кухни. – Ты привезла молоко? Замечательно, а то оставшееся ушло на кашу.

– А мы кашу не хотим, – вставила своё Саша, Ваня повторил за ней фразу.

– Ну, вот ещё, – возмутилась Надежда. – Вас никто не спрашивал. Живо за стол. Кто не будет есть кашу, тот не пойдёт с нами на речку. Хотите остаться дома? Пожалуйста! – Саша

знала, мама своё слово сдержит. Поэтому первой устроилась за столом. Дедушка сел рядом и погладил внучку по мягким тёмным кудряшкам, Ваня устроился рядом. Николай посмотрел на отца. Ну, вот как ему рассказать об аграфе? Ведь всё вспомнит, опять будет переживать. С другой стороны, выяснить-то всё равно надо, и отец должен знать.

– Доброго всем здоровья! – в воротах стоял мужичок примерно возраста отца, пузатый, небольшого роста, в смешной соломенной шляпе, которую он снял в знак приветствия, представив взорам свою блестящую лысину.

– А, Владлен Евсеевич, – отозвался хозяин дома, – проходите, дорогой. Рад вас видеть, – крепко пожал ему руку. – Вот прошу любить и жаловать, наш новый сосед – Владлен Евсеевич, – представил Фертовский-старший гостя. – Машенька с ним уже знакома, а вот Надя не имела чести видеть. Владлена Евсеевича, почитай, две недели не было на даче, так ведь?

– Верно, занят был, признаюсь как на духу. Но наслышан о вашей очаровательной невестке. И прекрасно, что вы, наконец, собрались здесь всей семьёй. Давно это надо было сделать, да, Владимир Григорьевич?

– Вне сомнений, друг мой, – заулыбался. – Может, чайку?

Николай вздохнул. Поговорить с отцом, видимо, опять не получится. А может, и к лучшему?

Пока Владимир Григорьевич с соседом пили чай да вели беседы на разные темы, Николай, Надя и Маша отправились с детьми на речку. Ваня принялся плескаться у берега, Маша следила за сыном, периодически вытаскивая его из воды, когда губы у малыша начинали синеть. Он, как только согревался под жаркими лучами солнца, опять лез в воду, ему очень хотелось играть с Сашей, но ей было интересно с отцом. Она уже неплохо плавала и составила ему компанию, доплыв почти до середины реки. Надя сидела на складном стульчике и читала книгу.

Наконец, Николай с дочерью вышли из воды, Саша сразу закуталась в большое полотенце и принялась есть бутерброды, которые Ваня тоже срочно затребовал и для себя. Николай прилежался прямо на траву, рядом с Надей. Она оторвалась от чтения.

– Ты так ничего и не рассказал отцу про аграф? – с лёгкой иронией спросила она.

Вместо ответа Николай помотал головой, пожал плечами.

Глава 7

Мира вышла из помещения на улицу, покрутила головой. Чтобы поесть вместе в обеденный перерыв, супруг обещал заехать за ней. Но пока автомобиль Димы не появился. Мира посмотрела на часы. Пришлось встать в тень – сегодня с самого утра нещадно палило солнце, температура воздуха дошла почти до тридцати по Цельсию. В такое время хорошо бы на море, но отпуск у неё только в сентябре, раньше никто не отпустит. Так что придётся довольствоваться столицей – работой и жарой. Радует, что на кафедре утвердили тему её диплома, который необходимо будет защищать в декабре. А всю осень его делать, но это даже хорошо, в отпуске и начнёт. Если Димка никуда не придумает им уехать. Он что-то там намекал на Португалию. «Посмотрим», – так ответила Мирослава.

– Аллю, – зазвонил телефон, она увидела на экране имя подруги.

– Привет, – сказал бодрый голос Таисьи. После того, как сдали последние экзамены, они больше не виделись.

– Привет, – радостно отозвалась Мира. Она успела соскучиться по неунывающему и весёлому характеру подруги. – Ты уже уехала в Казань? – Мира знала, что недалеко от столицы Татарстана живёт довольно много родственников Таи.

– Нет, завтра поеду. Я хотела тебе сказать, что в августе выхожу замуж, сегодня Артур сделал мне предложение! – выпалила она.

– Ну, наконец-то! – обрадовалась Мира. Артур всё время был в разъездах, появлялся редко, и наскоками. А Таисья влюбилась и ждала его. В последнее время уже стала отчаиваться, и вот теперь всё уладилось. – Поздравляю, подружка. Так за тебя рада, правда-правда.

– Я приглашаю тебя и Димку на свадьбу, Мира, – сказала Таисья.

– А где будет торжество?

– В Казани. Там у Артура родители. Да и много родных.

– Таюшка, милая, я пока тебе точно обещать не буду. У меня отпуск в сентябре. И, может статься так, что я не смогу просто вырваться с работы. Ты уж тогда не обижайся, ладно? – вздохнула Мирослава.

– Не обижусь, я всё понимаю, но если получится вдруг – приезжайте, хорошо?

– Хорошо, – улыбнулась Мира. – Люблю тебя, моя дорогая.

– И я тебя, – тоже улыбаясь, отозвалась Таисья. Мирослава положила трубку телефона, затем вспомнила, что вообще-то ждёт мужа, который так и не появился. Более того, даже не позвонил. Она набрала номер телефона Димы – абонент недоступен. Мира вышла к шоссе, на котором поток автомобилей был просто нескончаем. Она прошла вдоль кромки тротуара. Сразу почувствовала раскалённый воздух. Не надо было покидать своё место под тенью дерева. Опять набрала номер телефона Данилевского – результат тот же – вне зоны доступа. Да что же это такое? У неё скоро обед кончится.

– Дмитрий, нам надо срочно поговорить, – Фаина Витальевна застала сына уже на выходе из офиса. Он явно торопился.

– Здравствуй, ма, – он сначала проскочил мимо, затем вернулся, посмотрел на электронные часы в холле. – Мне сейчас некогда, я спешу, – сообщил, откинул прядь волос назад.

– Что значит – некогда? – возмутилась Фаина Витальевна. – Обеденный перерыв, надеюсь, ты найдёшь время для собственной матери? Между прочим, я сама сюда приехала, ты должен учитывать – я более занятой человек, чем ты.

– Ну, хорошо, мама, – выдохнул он, – что ты хочешь? – от нетерпения даже стал подпрыгивать.

– Мне надо поговорить о твоём старшем брате, – выдала она.

– О Севке?

– У тебя есть ещё какой-то старший брат? По крайней мере, мне ничего об этом неизвестно, – Фаина Витальевна усмехнулась. Она была уверена, что младший сын может так торопиться только на обед к своей девке.

– Нет, у меня один старший брат, – Дима закатил глаза. – Что ты хотела мне сказать?

– Надеюсь, ты не заставишь меня стоять в холле во время разговора? Что за дурной тон, Дмитрий? Ты опускаешься всё ниже, – она покачала головой с красиво уложенными волосами.

– Нет, но, – Дима сделал паузу. – Mam, меня, правда, ждут.

– Подождут, ничего страшного, – Фаина Витальевна поискала глазами место, где они могли бы сесть. Справа от входа как раз находился компактный двухместный диван, рядом с ним низкий столик, на который она и поставила дамскую сумочку. – Здесь нам будет удобно, – сказала и первой села на диван.

– Так что там с моим братом? – Дмитрий обречённо опустил плечо.

– Насколько мне известно, он живёт у тебя, – помолчав, сказала Фаина Витальевна.

– Севка живёт у меня? – переспросил Дима, снял очки, стал вертеть их в руках. – Откуда такая информация?

– От твоего же брата, он сам мне сказал, – она положила ногу на ногу. – Я два утра подряд заезжала к нему на квартиру, не заставала дома, потом поехала к нему на работу. Всеволод меня уверил, что в своей квартире начал делать ремонт, поэтому переехал к тебе. А что – разве это не так? – теперь пришёл черёд удивиться Фаине Витальевне.

– Так, конечно так! – поспешил ее заверить Дима. Хорошо, что научился разговаривать с матерью нейтральными фразами, а ещё часто переспрашивать – это помогает.

– Ну, и зачем он это сделал?

– Что сделал? – Дима нервничал всё больше, мало того, что тема разговора ему не нравилась, приходилось выкручиваться, чтобы не выдать брата, а ещё его уже ждала Мира. Данилевский вытащил телефон из кармана, посмотрел на экран. Вот незадача – телефон разрядился. А подзарядка осталась на рабочем месте. И Миру теперь не предупредить.

– Переехал к тебе, когда мог спокойно пожить у меня, – она поджала губы.

– Ну, ответ на этот вопрос знает только Сева. Он попросил приютить его, мы согласились.

– Мы? – чуть повысила голос Фаина Витальевна.

– Мы, мамочка, я и моя законная жена Мирослава, – с улыбкой сказал Дима.

– Ничего не хочу о ней слышать, – замотала головой Фаина Витальевна, схватила сумочку, тут же поставила её на место. Заметив довольное лицо младшего сына, разозлилась ещё больше. Не обладая от природы сильным характером, решительностью, в случае с этой девкой он проявил неожиданное упрямство, непреклонность. Даже женился на ней.

Прошло больше двух лет, а Фаина Витальевна так и не смирилась с выбором сына. За это время они ни разу не видели невестку. Сын навещал мать, но всё реже и реже. С него как-то слетело бывшее щегольство – сменил стрижку, стал проще одеваться, вечно куда-то спешил. Зато с лица не сходила улыбка, и глаза горели. Фаине Витальевне не хотелось признавать очевидного – её младший сын счастлив.

Она внимательно посмотрела на Дмитрия: не такой, конечно, как его старший брат. Всеволод яркий, незаурядный, с острым умом, невероятно обаятельный, зато Дмитрий нежный, более аристократичный. Хотя... теперь его внешний аристократизм не так явен. Понятно, чьё влияние. Фаина Витальевна сдвинула брови. Неужели она так просто сдалась? Неужели отдала сына какой-то там нелепой девице и смирилась с этим? Надеялась, что они скоро разбегутся, дала им от силы год. Однако, похоже, что ошиблась. Или ...

– Хорошо, Дмитрий, я тебя поняла, – она кивнула. – Теперь можешь отправляться обедать. Ты на машине?

– Да, на машине, – он надел очки, вскочил с дивана, посмотрел на часы, охнул. – Побегу, мама, – заторопился.

Фаина Витальевна, не теряя времени, отправилась к своему автомобилю. Приказала водителю ехать за машиной сына.

Глава 8

Вадим в Беляниново вернулся ближе к вечеру. За весь день отправил Виктории всего одно сообщение: «Задерживаюсь. Приеду, расскажу».

Он вошёл в дом, бросил в коридоре барсетку, потоптался, зачем-то сел на тумбочку.

– Что-то случилось? – Виктория сразу вышла в коридор, с тревогой посмотрела на супруга – не только изрядно вспотевший, волосы взъерошены, тёмные очки одной дужкой торчат из кармана джинсов, но и подавленный, не в себе.

– Ты давно звонила своим родителям? – он поднял глаза на жену.

– Маме недавно, а отец, как ты знаешь, в разъездах. Он чаще сам звонит, – пожала плечами Вика. – Что случилось-то, Вадим?

– И я своих давно не видел, – он, будто не слышал её вопроса. – И звонить стал редко. Что сказать – хороший сын.

– Ты очень хороший сын, – Вика подошла к нему, обняла за голову, – но мокрый и уставший. Пойдёшь в душ?

Он кивнул, кряхтя, поднялся с места.

После душа сразу зашёл на кухню. Сел за стол. Виктория ждала, в такие моменты она знала, что лучше всего не надоедать расспросами мужу. Когда придёт в себя, успокоится, сам расскажет. Так всегда делала её лучшая подруга Надя.

– Ужинать? – только и спросила. Вадим взял в руки вилку.

– У нас есть водка? – вдруг сказал.

– Есть, – удивлённо отозвалась Виктория.

– Налей мне, – не попросил, а сказал – твёрдо, без сомнений.

– Вадик, тебе же завтра за руль, – мягко напомнила Вика.

– Завтра будет завтра, а сегодня я выпью, – заключил он. После того, как опрокинул стакан, поел совсем немного, отложил вилку в сторону. – Надеюсь, что ещё раз через подобное мне не придётся пройти, – сказал после некоторой паузы. Виктория села напротив мужа и ждала. Он ещё поковырялся в тарелке, отломил кусок хлеба и вяло пожевал его, затем нашёл руку жены и крепко сжал её.

–... Дело в том, что у матери Сергея с годами стали всё больше проявляться признаки шизофрении, сначала почти незаметно, потом сильнее. Она жила у дочери, у Серёги вечные дежурства, он же хирург, а у его сестры вроде бы и квартира позволяла, да и мать вроде под присмотром. Однако эта ситуация не устраивала мужа сестры. Начались конфликты. В итоге было принято решение отправить маму в пансионат. Там и присмотр, и лечение. Серёга оплачивал большую часть лечения и пребывания. Но когда он разболелся, то, конечно, не смог вовремя внести оплату, – Вадим замолчал. Посмотрел на начатую бутылку водки. – Вернулся из санатория, первым делом отправился на квартиру сестры. Когда лежал в санатории, то никак не мог до них дозвониться, – Зорин опять сделал паузу, выдохнул. – Каково же было его удивление, когда эта квартира была продана, а её бывшие жильцы исчезли в неизвестном направлении.

– То есть? – переспросила Виктория. – А Сергей имел право на эту жилплощадь?

– Да, имел. В этой квартире они с сестрой выросли. Но дело даже не в этом, – Вадим нервно мотнул головой. – Куда они делись? И главное, где его мама? В пансионате её не было, дочь забрала. Он, конечно же, осведомился. Попытки дозвониться до сестры оказались безуспешными. Представляешь, каково ему было на тот момент?

– Не хотела бы я такое представить, – теперь Вика сжимала руку мужа.

– Серёга догадался спросить у соседки, та рассказала, что вся семья уехала на постоянное жительство в Таиланд.

– А как же мама? – Виктория нахмурилась.

– А маму они отвезли. Но куда – соседка и понятия не имела. Сергей стал искать, где может находиться его мать. То, что сестра не взяла её с собой в Таиланд, он понимал. Но куда бы он ни обращался, везде тупик.

– Неужели так и не нашёл? – воскликнула Виктория.

– Через какое-то время сестра позвонила из Таиланда и сообщила адрес бесплатного интерната, того, где оставила мать.

– Вы были там сегодня? – вдруг догадалась Вика.

– Да, – Вадим налил себе ещё водки, выпил залпом. – Мы нашли это место. Нам сначала не хотели её отдавать. И не пускали. Мы там пробыли почти полдня. Разговорились с пожилой медсестрой, она и рассказала, как всё было. По всей видимости, больную рано утром привезли к интернату и оставили на крыльце. Одну – с узелком вещей и документами. А сами сбежали, как последние... – он замолчал, не подобрав слово.

– Разве такое бывает, Вадик? – по щекам Виктории потекли слёзы.

– Бывает, как видишь. Пока её не обнаружила медсестра, мама Сергея несколько часов просидела на крыльце. Она же временами плохо соображает. Молча, сидела у дверей, как брошенная собака, – Вадим поднялся с места, подошёл к окну, отвернулся от жены. – Сначала

врачи думали, что за ней вернутся, но напрасно... за ней никто не приехал. Тогда они определили её к себе в интернат. Бедно там, конечно, но есть кое-какое лечение и главное, человек не брошен, – глухо сказал Зорин.

– Вы забрали её оттуда? – сквозь слёзы спросила Вика.

– Пока нет, всё не так просто. Но Серёге её отдадут, пообещали. Мы накупили продуктов, вещей. Пока ехали обратно, всю дорогу плакали – оба, – Вадим повернулся к жене. На его глазах тоже стояли слезы. – Он ещё попытался позвонить сестре и сказать всё, что о ней думает, но теперь её телефон недоступен.

– Вадик, – Виктория подошла к нему, крепко обняла. – Чем мы можем Сергею помочь? Помимо психологической поддержки.

– У него проблема с квартирой, надо найти что-то близкое к работе, и ещё подходящую сиделку. Ведь болезнь прогрессирует и надо уметь обращаться с такой больной, – Вадим вытер слёзы себе и жене.

– Поможем найти, я позвоню одной знакомой, она в этих делах хорошо ориентирована – насчёт аренды квартир. А деньги? Ему, наверное, на первое время понадобится какая-то сумма?

– Да, я уже предложил, он согласился – деньги ему понадобятся.

– Вот и хорошо, – кивнула Вика, опять прижалась к мужу. – Сергей заберёт маму из интерната домой, наймёт сиделку, всё наладится. Главное, что он нашёл маму. Что она жива.

– Да, Вика, ты права, – Вадим шумно выдохнул. Именно сейчас понял, как он устал – просто смертельно.

– Иди отдыхать, Вадик, – Виктория поцеловала его. – Утро вечера мудренее. Завтра будет новый день и, несомненно – лучше.

Перед тем, как отправиться в спальню, Вадим зашёл в комнату дочери. Василиса крепко спала в своей кровати, волосы разметались по подушке, одеяло на боку. Он поправил ей одеяло, внимательно посмотрел на личико с пушистыми ресничками.

– Надеюсь, что мы тебя правильно воспитаем, и ты, моя девочка, никогда не предашь не только нас с мамой, но и любого, кто встретится на твоём жизненном пути.

Глава 9

С утра Николай собирался отправиться на выставку. До её окончания оставалось всего два дня. Но он проспал намного дольше, чем планировал, поэтому вскочил с кровати как ошпаренный, рванул в душ, оттуда на кухню, вот там-то и прихватило спину. Да так, что не разогнуться, не выдохнуть. Кое-как добрался до кровати и скрюченно лёг. Лоб покрылся холодным потом, а ещё сковал страх – что делать в такой ситуации? Он один дома, помочь некому, как снять боль? Звонить Наде? Но она далеко. И волновать её не хотелось бы.

Фертовский нащупал телефон, посмотрел на его экран. Вызвать скорую помощь? Как-то стыдно – всего лишь прихватило спину. Он неловко повернулся, в спине отозвалось очередным прострелом. Где-то у жены были обезболивающие таблетки, надо теперь до них только умудриться добраться. Николай в полусогнутом состоянии сполз с кровати, кое-как добрёл до тумбочки, в которой лежали лекарства. Стал искать таблетки, чертыхаясь и ругая себя за то, что не прислушивался к советам Нади – спину прихватывало уже не раз, давно пора обратиться к врачу.

Таблетку выпил без воды, теперь поход до столовой казался походом на Камчатку. Николай, взмокший и нервный, улёгся в кровать, кое-как нашёл более или менее удобную позу и через некоторое время уснул. По крайней мере, таблетка немного уменьшила боль.

Надя обеспокоенно бросила телефон на стол, она звонила уже пятый раз – супруг не брал трубку. Хотя его телефон всё время был в зоне доступа. Маша зашла в дом, увидев лицо родственницы, обо всём догадалась.

– Не берёт? – спросила, открыв холодильник и доставая оттуда продукты. Ваня вбежал следом и схватил со стола кусок хлеба.

– Не берёт, Маша, – Надежда усадила племянника себе на колени, – и я нервничаю.

– Скорей всего, просто занят и не слышал твоего звонка, – предположила Маша, посмотрела на сына, тот жевал хлеб так, как будто не ел, по крайней мере, со вчерашнего вечера. Скоро обед, а Ваня опять нахватается хлеба и не будет есть.

– Вполне может быть, но он утром всегда звонит или оставляет сообщение, а сегодня ничего нет. Поэтому я и тревожусь. Николай не из тех, кто забывает такие вещи. Он очень внимательный.

– Сходи в сад и собери вишен для компота, заодно отвлечёшься. Возьми с собой детей, а то Иван съест весь хлеб в доме, – предложила Маша. – Телефон можешь оставить здесь, я всё время в кухне.

– Нет, телефон возьму с собой, – возразила Надежда, – а за вишней схожу. Это хорошая идея. Саша, – она выглянула во двор, – мы с Ваней идём собирать вишню, ты с нами?

– Не, мамуль, у нас с дедом интереснее, – крикнула Саша, Владимир Григорьевич и она на небольшом столике под деревом с самого утра собирали огромную мозаику с изображением табуна лошадей. Ваня периодически подбегал к ним и предлагал свои услуги, запихивая очередной и обязательно неправильный пазл мозаики в первую попавшуюся пустую ячейку. Саша выковыривала этот пазл и злилась на мальчишку, грозя ему пальцем и отправляя подальше. На что Иван показывал ей язык и убегал, но вскоре появлялся, и всё начиналось сначала. Владимир Григорьевич терпеливо попытался объяснить сыну суть занятия, которым они с Сашей были так увлечены, но Ваня для этого был слишком маленьким. Он залезал отцу на колени, трогал его очки, затем гладил ухо, баловался, скатывался на стол, один раз чуть не разрушил всё, что они уже успели собрать с Сашей. Хорошо, что теперь отправился с тётей Надей собирать вишню.

Надя прошла в сад за домом по выложенной камнем тропинке, огляделась, да, вишня уже основательно поспела – свисающие вниз ветви кустовидных деревьев были настолько обильно усыпаны тёмно-бордовыми плодами, что пора собирать урожай не только на компот, но и на варенье. Причём его получится довольно много. И придётся задействовать всё семейство, теперь им не отвертеться.

Вишневый сад – Надя улыбнулась. Вспомнила рассказы матери о родственнике отца по имени Митрофан, у того был немислимой красоты вишневый сад, плоды которого отличались невероятными размерами и сладостью.

Надежда протянула руку, сорвала крупную почти черную вишенку – довольно сладко. Она удовлетворённо кивнула и принялась собирать плоды в корзину. Тут же бегал Ваня и помогал ей. Правда, сначала он наелся вишен, благо те были и, правда, сладкие, затем, срывая самые спелые, стал класть их в корзину тёти Нади.

– Ванятка, какой ты умница, – засмеялась она, подхватила мальчишку на руки и пощекотала. Он завизжал, забарахтался, вырвался с рук, убежал за дом, вернулся ровно через минуту.

– Есёё, – потребовал игры. Надя отодвинула корзину с вишней к стволу, схватила Ваню и опять стала щекотать. Захлёбываясь от счастья, он запрыгал по траве как кузнечик.

– Какие вы весёлые! – крикнула Маша, она стояла возле угла дома и наблюдала картину, как играют и хохочут Надежда и Ванятка. – А вишню вы собрали на компот?

– Собрали, – Надя указала на корзину возле дерева, сорвала с ветки вишенку, засунула её в рот мальчишке, затем подхватила его на руки и понесла к дому. – Корзинку возмёшь? – спросила у Маши, проходя мимо. – Кстати, вишню пора собирать не только для компота, созрело почти всё, посмотри, какая красота.

– И правда, урожай что надо, – Маша взяла корзину, стала рассматривать в ней ягоды – крупные спелые, некоторые с веточками и листьями – это, наверное, сын рвал. Надя права,

пора собирать урожай. Хорошо, что помощников много, всем хватит работы. От работы на грядках они отказались, Маша копалась одна, правда, сделала всего несколько грядок, зато от души и в своё удовольствие, а вот в саду урожай собрать помочь надо. К тому же яблоки в августе будут, да и пара сливовых деревьев в этом году цвела от души, обещая сливы. Хорошее лето – тёплое, солнечное, и дождей в меру, и до чего же здорово на даче. Маша улыбнулась, взяла корзинку и пошла к дому.

– Машенька, сделай нам, пожалуйста, чаю, – завидев супругу, попросил Владимир Григорьевич. Он отвлёкся от мозаики, поднял на лоб очки.

– Скоро обед будет, Володя, – напомнила Маша.

– Ну, пожалуйста, нам с Сашулькой нужна подпитка в виде чая, – он приложил руку к груди.

– Тётя Маша, нам осталось совсем немного, табун почти готов, чай нам поможет собрать всю картину, – с пазлом в руке поддержала деда Саша. В этот момент к столику подбежал Ваня, выхватил пазл из рук Саши и с налёту вставил его в мозаику. – Опя-я-я-ять? – возмущённо крикнула она на мальчишку. Но тут же замолчала – пазл оказался на своём месте. – Дедуль, смотри, Ванька вставил пазл именно туда, куда надо. Во даёт!

– Мой сын! – Владимир Григорьевич подхватил Ванятку на руки и от души чмокнул в щёку.

– Владимир Григорьевич, Маша, я возвращаюсь в город, – из дома вышла Надежда. – Присмотрите, пожалуйста, за Сашей, я её оставляю здесь, – она открыла гараж.

– Надя, что-то случилось? – Фертовский-старший нахмурился, опустил сына на землю.

– Всё хорошо, Владимир Григорьевич, просто мне срочно надо в город. Обещаю, я скоро вернусь, – она села в машину.

Глава 10

– Девушка, разрешите с вами познакомиться? – услышала Мира, обернулась.

– Валерка! – радостно воскликнула она, завидев бывшего соседа. Он когда-то жил в квартире напротив. – Какой ты стал...

– Какой? – насмешливо спросил он, поднял на лоб тёмные очки.

– Высокий, интересный, такой, – она стала подбирать слова, – пижонистый даже.

– Точно, – он рассмеялся от души, сверкнув белыми идеально ровными зубами. Иссиня-чёрные волнистые волосы стильно подстрижены, карие лучистые глаза. Недаром его кличка в школе была «Цыганок». – Ну, привет, девочка с красивым именем.

– Так ли? – усмехнулась Мира. – Помнится, ты обзывал меня «Мирка-дырка».

– Это всё от чувств-с, – шутливо оправдался он. – А помнишь, как я дёргал тебя за хвостики?

– Помню, – отозвалась Мира. – А потом твои родители купили квартиру в другом районе и вы уехали. И все во дворе переживали, – она улыбнулась, вспомнив, как, действительно, переживали девочки во дворе, когда уехал Валерка – самый боевой, самый обаятельный мальчишка. А больше всех страдала худенькая как щепочка Лена, потому что их дразнили «жених-невеста». Лена, конечно же, была влюблена в Валерку, да и тот больше всех уделял ей внимания. Мира единственная, кто в Валерке видел лишь дворового приятеля, она посмеивалась над подружками, которые млели, лишь только завидев этого кудрявого мальчишку.

– Слушай, Мира, у меня появилась идея: давай где-нибудь встретимся и посидим? – предложил Валерка. – Вспомним наше детство, двор, ребят, – он посмотрел на часы. – Мне сейчас надо бежать, совсем нет времени. Но я очень хочу увидеть тебя ещё раз, – он опять улыбнулся.

– А давай, – кивнула она, достала телефон. – Звони мне на этот номер, – продиктовала его, – споемся или созвонимся.

– Да, в ближайшее время, – Валера набрал номер телефона, тот сразу зазвонил у Мирославы, – рад был встрече, – чмокнул её в щёку, опустил очки на глаза, быстро пересёк улицу, завернул за одно из зданий и скрылся из виду.

– И что это был за тип? – раздался голос мужа за плечом Миры. Она спрятала улыбку.

– Тип? О ком ты? – Мира невинно смотрела на мужа. Он хмурился.

– Только что ты любезничала с каким-то мужиком, который к тому же поцеловал тебя, а потом исчез как шпион, – Дима нервно кашлянул, поправил очки.

– Не поцеловал, а всего лишь дружески чмокнул, – уточнила Мирослава.

– Дружески? Это теперь называется дружески, ну да, – Данилевский сложил руки на груди.

– Да, дружески, это бывший сосед Валерка, мы сто лет не виделись, а теперь случайно встретились, пока я тебя, мой милый, прождала весь обед, между прочим, – Мира показала на часы на своей руке. – Мало того, что ты безнадёжно опоздал, ещё и твой телефон всё время недоступен. Что скажешь? – она повысила голос.

– М-м-м, – Дима замялся, достал из кармана телефон, посмотрел на его экран так, будто там могло что-то измениться за последние полчаса, но нет – экран был по-прежнему чёрным. Надо вовремя заряжать. – Да, я признаю, что опоздал и что мой телефон вне зоны доступа, но на всё это у меня есть оправдания, – вздохнул, снял очки.

– Какие же? – Мира выразительно приподняла брови.

– Когда я уже выходил из офиса, приехала мама и задержала меня. Ты же понимаешь, что я не мог проигнорировать собственную мать, – он опять вздохнул.

– И что хотела от тебя Фаина Витальевна? – Мира усмехнулась. Она знала, что все разговоры свекрови с младшим сыном, так или иначе, касались темы его «неправильной» женитьбы. Почти каждый раз одно и то же.

– А вот это как раз и тебе будет интересно, – Данилевский прищурился, глядя на жену.

– Уверен? Хорошо, тогда давай либо отойдём в тень, либо сядем в твою машину, невозможно стоять на такой жаре. До конца обеденного перерыва осталось мало времени, но для разговора нам хватит.

Решили устроиться в тени раскидистого дерева, там же была и скамейка.

– Мирослава, – Дима взял жену за руку.

– Да, – она смотрела на него серьёзно.

– Ты меня любишь?

– Данилевский, что за вопросы? – она убрала за ухо выбившуюся из хвоста прядь волос.

– А всё же, – он впервые задумался о том, что она редко говорила ему эту фразу. И вообще на внешнее проявление чувств была сдержанной, не то, что другие девушки.

– Люблю, конечно, я же твоя жена, – она пожала плечами. Дмитрий поднёс её руку к своим губам. Ласково поцеловал. Он всегда трепетал при одном лишь прикосновении к Мирославе. Он был не просто влюблён в неё, он растворялся в ней. – Так что там тебе говорила Фаина Витальевна? – напомнила Мира.

– Ах, да, – он словно очнулся, – мама спрашивала меня про Всеволода. Почему он по возвращению на Родину, не стал жить у себя в квартире.

– Вот как? – Мира напряглась. – А откуда она узнала, что он не живёт у себя? Она приезжала к Севе?

– Да, приезжала два дня, точнее, утра подряд и, конечно же, не заставляла его дома.

– Понятно, – протянула Мира, теперь она взяла мужа за руку и сжала её.

– Подожди, ты не знаешь главного, – Дима почесал в затылке. – Мама спросила у Севки, где он теперь живёт. А затем и у меня, как бы в подтверждение.

– В подтверждение чего?

– Что мой старший брат живёт у нас – в нашей с тобой квартире. Пока идёт капитальный ремонт в его квартире. Не знаю, как Севке пришло в голову это решение, но он прав, чтобы проверить информацию, к нам мама точно не сунется.

– Зачем ей проверять информацию? Дим, я никак не пойму этого, – воскликнула Мирослава.

– Она привыкла всё контролировать, всё держать под своим неусыпным контролем. Так она считает, достигаются высокие результаты и в бизнесе, и в жизни, – попытался пояснить Дмитрий.

– Да, вот только первый брак Севки распался, хотя, насколько мне известно, был организован Фаиной Витальевной, – напомнила Мира. – Да и ты, получается, женившись на мне, подвёл её.

– Ну, мой брак точно не распадётся, – Дима прижал Миру к себе. – Если ты только не будешь кокетничать с всякими подозрительными типами.

– Митька, а ты ревнивый, – она посмотрела в его глаза. – До сих пор я этого не замечала.

– Я сдерживал себя, как мог, – улыбнулся он. – Просто я очень люблю тебя, – с этими словами он страстно поцеловал жену в губы.

– Заводи машину, поехали, – приказала Фаина Витальевна водителю после того, как сын и невестка стали целоваться, несомненно, после эмоционального разговора. Всё это время она наблюдала за ними из автомобиля. Разговора она не слышала, зато по мимике и жестам сына поняла, что он предъявлял жене претензии. Правда, потом они помирились. Но ведь это ненадолго. Тем более что Фаина Витальевна успела заметить мужчину, с которым до прихода сына разговаривала невестка. Фаина Витальевна видела, и как темноволосый незнакомец поцеловал Мирославу в щёку, а потом ей удалось увидеть автомобиль, в который он сел. Пришло время заняться более пристальным изучением окружения невестки, кто знает, возможно, это пригодится в будущем. Так решила Фаина Витальевна.

Глава 11

Зорин решил не ехать на работу, а для начала как следует выспаться, отдохнуть. После событий, связанных с поиском матери друга, он понял, что основательно выбит из колеи, необходимо взять паузу и просто поваляться в кровати, а потом, может, в лес сходить или порыбачить. Просто побыть со своими домочадцами. Шеф с пониманием отнёсся к этому, дав ему неделю на отдых, а потом они созвонятся. Ведь часть работы можно сделать и дома.

После того, как поздним вечером он всё это обсудил с шефом, решил покурить на крыльце дома. Сел на основательно прогретые июльским солнцем ступеньки, загляделся на ночное усыпанное бисером звёздное небо. Благодать-то, какая! Вот не задумываешься, что ты можешь просто так наслаждаться всем этим. Идти по пыльной просёлочной дороге или даже пусть по асфальтовой, в солнечную погоду или в проливной или моросящий дождь – неважно. Слушать, как в весеннем лесу чувственно поют птицы, как огорчённо вздыхает или пугающе воет ветер, как напряжённо гудят провода, придумывая свою мелодию. Как деловито летят автомобили по гладкому шоссе, или жалобно скрипит телега, может быть, последняя уже в этом мире, в которой сидит мужичок, везущий пахучее сено. Покорная лошадь идёт вперед, думая о своём, время от времени обмахивая себя хвостом и отгоняя бесцеремонных насекомых. А воздух за городом может быть удивительно прозрачным. И ты его вдыхаешь полной грудью, наполняя каждую клетку живительной прохладой. Счастье в том, что ты можешь просто куда-то пойти, поехать, поплыть, полететь... Счастье в твоей свободе, в просторах, которые ты можешь видеть, даже в обычной деревеньке. В том куполе неба, который не в силах охватить твой взгляд, потому что в городе так не хватает неба – огромного, необъятного. И по нему даже скучаешь, потому что именно такое небо позволяет мечтать и вдохновляться, фантазировать и просто жить, ощущая себя частицей мироздания.

Вадим проснулся довольно поздно, в доме уже никого не было. Виктория оставила на столе записку, что они с Васей ушли гулять, завтрак на столе. А внизу была приписка, что они обе любят Вадимыча. Мужа и папу.

Прочитав записку, Зорин широко улыбнулся, потянулся, сделал несколько приседаний, отжался прямо на полу в кухне, отправился в душ. Спустя полчаса плотно позавтракал, выпил большой бокал с кофе и вышел на крыльцо. Солнце слепило глаза, на небе ни одного облачка и жарко, как на юге. Зорин устроился в гамаке между деревьями, взял в руки книгу, так и уснул вместе с ней. Проснулся через час, ноги онемели, рукам неудобно, тёмные очки свалились под гамак. Ну не привык он бездельничать. Сел в гамаке, немного покачался в нём. Нет, решительно такой образ жизни не для него. Надо себя чем-то занять.

Вадим вернулся в дом, поразмыслил и решил разобраться в кладовой, давно планировал это сделать, но руки всё никак не доходили.

Виктория с дочерью отправились на прогулку всё по той же деревенской дороге, что и в прошлый раз, шли они неторопливо, по пути срывая цветочки и листики – так нравилось Василисе. Сегодня взяли с собой бутылочку воды, пачку детского печенья, а ещё в последний момент Вика положила в карман своего сарафана несколько конфет. На всякий случай. Они дошли до того места, где в прошлый раз сидела девочка Валя, но сегодня её не было. Вика немного подождала, посмотрела на старый покосившийся дом, в котором жила её новая знакомая, но оттуда не было слышно ни звука. Во дворе тоже никакого движения. Виктория вздохнула, взяла дочь за руку и повела дальше.

Они добрались почти до самого края деревни, как вдруг Вику кто-то окликнул. Она оглянулась. У забора стояла Марья Ивановна. Вика глазам своим не поверила. За то время, пока они ездили в Беяниново, правда, несколько лет Виктория там не появлялась, ни разу не встречала Марию Ивановну. Вроде бы Надя как-то упомянула, что та серьёзно болеет.

– Марья Ивановна, Боже мой, как я рада вас видеть! – искренне воскликнула Виктория. Они с Василисой подошли к калитке, которую хозяйка радушно раскрыла. Зашли во двор.

– И я рада нашей встрече, Виконька, – улыбнулась Марья Ивановна. – Прошу, проходите, мои дорогие, – показала на дом. – Или посидим на веранде? Там сегодня прохладно, хорошо. Солнце ещё не напекло, лишь ближе к вечеру будет духота.

– Давайте и, правда, на веранду, да? – согласилась Виктория. Она заметила, что Марья Ивановна говорит медленно, словно все слова пробует на вкус. И ещё – ходит, чуть заваливаясь на один бок. А волосы у неё стали совсем седыми, и морщин заметно прибавилось.

– Без чая я вас не отпущу, – сказала хозяйка дома. – А доченьке твоей молочка тёпленького. Вот тут у нас есть стул подходящий детский – у старшего внука сын родился, когда ребята приезжают, то вещи свои и оставляют. – Как зовут твою доченьку?

– Василиса, – Вика усадила девочку на стул, та смотрела на Марию Ивановну и щебетала так радостно, словно знала её. Потом взяла из её рук деревянную ложку и от души стала стучать ею по столу.

– От молодец, стучи-стучи, – закивала Марья Ивановна, – Вика, подожди, я принесу чайник, заварила всего несколько минут назад, как знала, что будут гости, – с этими словами она направилась в дом.

– Марья Ивановна, разрешите вам помочь, – крикнула ей вслед Виктория.

– Я стараюсь сама управляться. Иначе обуза для родных. А я этого не хочу. И так доставила своим много хлопот, – она сделала паузу, – инфаркт – дело сложное, особенно когда много чего в организме затронул. Но, слава Богу, прихожу в себя, радуюсь жизни, люблю всё, что имею, что сейчас мне даёт Господь. А это главное. Ничего, проживём ещё. Вон до правнука дожила. И тебя с доченькой встретила. Ах, какие вы славные девочки, правда? – она вернулась с чайником, на котором сидел сшитый из разноцветных лоскутков петух – чтобы лучше заварилось. Василиса, завидев Марию Ивановну, застучала ложкой ещё веселее. – Я окошко

открою и подам тебе прямо сюда чайник с кипятком и молоко, а сама принесу зефир, халву и хлебные палочки для Василисы, хорошо, Вика? – добавила она, опять скрывшись в доме.

Василиса с удовольствием выпила молоко, а потом потянулась за хлебными палочками. Хозяйка дома с умилением смотрела на неё.

– У меня правнук Арсений, чуть поменьше твоей, – сказала она. – Старший внук – пострел успел, и жениться, и ребёнка сделать. Шустрый, учится ещё, а уже папой стал. Слава Богу, родители помогают с обеих сторон, – стала рассказывать Марья Ивановна. – Мне его сюда привозят, но лишь на день. Нянька из меня ненадёжная, – она вздохнула. Налила Виктории чаю.

– Что вы такое говорите, вот Василиса как реагирует, а она к незнакомым, между прочим, не очень идёт, а вам сразу обрадовалась, – сказала Виктория, поднесла чашку ко рту. – Какой же у вас чай, Марья Ивановна! Я всегда говорила, что вы волшебница, – воскликнула, вдыхая букет ароматов из чашки, в нём было всё: травы, цветы, и даже ветер, который, путешествуя по свету, собирает всевозможные запахи летнего леса. А ещё его настроение и магию.

– Волшебница, больше похожая на ведьму? – улыбнулась Марья Ивановна и взяла свою чашку в руки, отпила глоток, на мгновение закрыла глаза.

– Скорее, ведунью, – поправила её Виктория, вспомнив всё, что происходило тогда здесь – в Беляниново. И свои переживания по поводу неразделённой любви к Зорину, и раздумья и сомнения Нади, которые тоже касались Вадима, и пылкие к ней чувства Фертовского. Ну и, конечно, ту Купальскую ночь, которая решила судьбы всех участников этой истории.

– Вспомнила? – усмехнулась Марья Ивановна. Вика вздрогнула. Опять Марья Ивановна читала её как раскрытую книгу. – Не переживай, девочка, никакой магии, – она коснулась её руки, – просто я тоже сразу обо всём вспомнила. Сколько же лет прошло? Кажется, не так много, а всё изменилось, – она подвинула ближе к Вике блюдце с халвой. – Хотя, случилось много и замечательного. Да и наша встреча, я уверена, неслучайна. Вот уж не знаю пока, для чего конкретно. Хотя, – она задумалась, – вы здесь на всё лето?

– Да, решили до конца августа пожить в Беляниново, иногда будем ездить в Москву, но ненадолго. Вадик, конечно, работает, поэтому мы на неделе без него, – пояснила Виктория. Она посмотрела на дочь, которая жевала палочки, одну не доев, брала уже другую, вымазала ими весь рот. Судя по всему, Василисе у Марьи Ивановны нравилось. – Хорошо в Беляниново, уютно, душой отдыхаешь, – Вика вытерла дочери рот.

– Вот и отлично, – обрадовалась хозяйка дома, погладила по волосам девочку. – Приходите в гости, будем общаться, угощаться, – с этими словами она с некоторым усилием поднялась с места, ещё раз сходила в дом, на сей раз вернулась с маленькой миской малины. – Вот собрала с кустов, пока совсем мало. Мой сад и огород были запущены. Только в этом году началось возрождение.

– Если позволите, я буду помогать, – предложила Виктория, – вам помощь – мне занятие. У нас вокруг дома грядки нет, кусты мы тоже не сажали, только небольшой сад позади. Зато к осени там будут яблоки, в этом я уверена. Конечно же, поделюсь с вами.

– Спасибо, моя девочка, – Марья Ивановна залюбовалась Викторией. Красивая всё же, яркая, с годами изменилась только к лучшему. Несмотря на испытания. Дочке-то всего полтора года, значит, ребёнок долгожданный. Хватит ли места в её сердце ещё для одного?

Глава 12

Надя прибавила скорость автомобиля, хотя понимала, что нарушает правила. Ей как можно скорее надо было попасть домой. Она дозвонилась до мужа, и хотя Николай её уверил, что справится, она знала – ему нужна её помощь. Он нехотя и кратко пояснил, что с самого утра в кровати из-за спины. Но нашёл в тумбочке какое-то обезболивающее, и ему стало лучше. Надежда знала другое – то, что мужу могло бы реально помочь, у них не было в доме. Зна-

чит, внушил себе, либо её просто обманывает. Супруг не любил вокруг себя лишней суеты, не впадал в панику, не жаловался. Поэтому Надежда, когда ему плохо – порой просто угадывала. Или чувствовала.

Она на МКАДе попала в пробку, простояла там почти час, возмущаясь беспорядком на дорогах, невероятным количеством машин и дураками за рулём, которые лезли со всех щелей.

Наконец Надежда въехала в район, где они жили. Сократила дорогу, проехав между дворами. Поставила автомобиль за поворотом и почти бегом направилась к дому.

– Ну что я могу сказать, – Казимир Львович, несмотря на возражения Николая, был вызван Надей сразу, как только она увидела мужа. Доктор приехал довольно быстро, осмотрел больного, теперь обратился к его супруге. – Скорей всего, небольшое смещение позвонков, так я предполагаю, либо перенапряжение мышц. По-хорошему, ко мне бы на обследование в клинику, а, Николай?

– Только не сейчас, Казимир Львович, – тот покачал головой. – Вообще, всё это так некстати, – он переглянулся с Надей.

– Болезнь никогда не бывает кстати, – пожал плечами доктор, достал блокнот, размашистым почерком написал на нём названия лекарств, которые необходимо приобрести. – Вот пока это, а там посмотрим. И, Надежда, всё-таки уповаю на ваше благоразумие, вы в семье самая рассудительная и ответственная, не откладывая в долгий ящик – приведите ко мне супруга на приём.

– Хорошо, Казимир Львович, – она кивнула, – я поняла вас, – проводила доктора до двери. – Подождите меня, пожалуйста, выйдем вместе, как раз схожу в аптеку, – тут же решила она.

– Как поживает Владимир Григорьевич? – спросил он уже на улице. – Мы давно не виделись. Как его сердечко?

– Бодр и в хорошем настроении. На сердце давно не жаловался, ваших предписаний, насколько мне известно, исправно придерживается, – ответила Надежда. – Они сейчас всей семьёй на даче. Ванятке там очень нравится, – она улыбнулась.

– Кто бы мог подумать, что у Володи в таком возрасте появится ещё один сын, – усмехнулся доктор. – Непросто, конечно, сейчас его растить, хотя с другой стороны, мальчишка для него как глоток свежего воздуха. Будьте здоровы! – он чинно поклонился. – Звоните, если что, – сел в машину.

– Большое спасибо, Казимир Львович, – Надя проводила автомобиль взглядом.

Домой вернулась через полчаса, натёрла спину супруга мазью, дала ему таблетки, уложила в кровать, укутав одеялом. Открыла окно, но так, чтобы не создать сквозняк, а хорошенько проветрить.

– Ты же голоден, – спохватилась она, намереваясь пойти на кухню.

– Не хочу есть, Надюш, посиди со мной, – Николай взял её руку, прижал к своим губам. – Я так рад, что ты приехала, – признался он. – Когда нездоровится, то, если честно, одному несладко.

– А почему ты не позвонил сразу, как прихватило, Николенька? Ну что за пустое геройство? – она внимательно посмотрела на мужа – заметно было даже по лицу, что боль отпускает. – Лучше, чтобы я звонила и волновалась?

– Не лучше, конечно, ты права, – он вздохнул. – Но я думал, что скоро отпустит и не хотел раньше времени тебя волновать. И потом, я же мужчина, стиснув зубы, должен терпеть боль.

– Да-да, рыцарь без страха и упрёка, – Надя поправила ему одеяло. – Я всё-таки готовлю что-нибудь.

– Успеешь, посиди со мной ещё немного, ладно? – попросил он.

– Ну, хорошо, – устроилась на краешке кровати, стала гладить мужа по ладони.

– Спина перечеркнула мне всё планы, – немного помолчав, обречённо произнёс Николай.
– Я же собирался на выставку, найти куратора, узнать всю информацию о владельце аграфа. Надеюсь, что всё выясню и либо успокоюсь – если аграф не принадлежит моему отцу, либо...
– он замолчал.

– Коля, а если второе либо? – Надя нахмурилась. – Ты понимаешь, куда нас может вывести эта ниточка? Тебе не кажется, что надо поставить в известность хотя бы Турчанинова?

– Я думал об этом, – тут же отозвался он. – Но меня останавливает одно: а вдруг мы ошибаемся и аграф чужой? Вдруг он просто очень похож на тот, что был в коллекции?

– Вот Турчанинов и выяснил бы это, ему-то как раз проще, чем нам, – сказала Надежда.

– Возможно, ты права. Но я как вспомню его ухмылку и вечные упрёки в том, что я мало уделял внимания семье, что скрывал улики, да и вообще... – он замолчал, сдвинул брови. – Не забывай, что преступником оказался мой собственный сын.

– Да, но за поступки Вилли ты не несёшь ответственность, да и сейчас не несёшь, тем более в своё время не принимая участие в его воспитании, – напомнила Надя. – Подумай, мне кажется, всё-таки Турчанинов имеет право знать о том, что ты обнаружил на выставке. Материалы дела сохранились, фотографии гарнитура тоже, там ведь подробное описание.

– Не хочу с ним пересекаться, не хочу, по крайней мере, пока, – он дотронулся до руки жены. – Надюш, я посплю немного? Так вдруг спать захотелось, сил нет терпеть.

– Конечно, Коленька, отдыхай, – закивала она, поднялась с места. – А где выставка проходит? – спросила уже у засыпающего мужа.

– В Сокольниках, завтра закрытие, – сказал он и провалился в сон.

Надежда тихонько закрыла за собой дверь, приготовить ужин она ещё успеет, а вот, если задержится дома, то на выставку сегодня точно не попадёт. Очень интересно посмотреть на этот самый аграф.

Она без труда нашла выставочный павильон в Сокольниках, вошла в него, до закрытия оставалось полтора часа. Народу было уже немного, видимо, основная масса интересующихся удовлетворила своё любопытство. Ну, и надо признать, что тема выставки несколько специфична и рассчитана на определённую аудиторию.

– Подскажите мне, пожалуйста, где здесь зал с украшениями XIX века? – обратилась Надежда к молодому человеку в очках с роговой оправой, он стоял на входе в один из залов и наблюдал за посетителями.

– В самом конце анфилады, – указал он рукой.

– Благодарю вас, – она кивнула и заторопилась в указанном направлении, стуча каблучками по гладкому полу.

В самом дальнем и самом маленьком зале было всего несколько выставочных стендов, Надя заинтересованно стала рассматривать каждый. Чего здесь только не было: большая шестиугольная золотая печатка, пара вычурных перстней с камнями, хотя при входе в зал Надя успела прочесть, что уже XIX век положил конец неумеренной роскоши мужских украшений. Драгоценности стали признаком не богатства, а вкуса. Наверное, потому и мужские броши на выставке были из чёрного серебра с довольно сдержанным рисунком. Несколько запонок – тоже без причудливостей, булавки для галстука, правда, с камнями, но опять же смотрелись сдержанно. Три брелока и все они почему-то на морскую тематику.

Отдельно на синем постаменте находился позолоченный лорнет, а к нему вот такой текст: «Некоторые (петиметры в театре), подняв кверху голову и приложив к глазу лорнет, смотрели на сидящих в ложах женщин, и как скоро сей лорнет устремлялся на какую женщину, то она тихонько отворачивалась, приятно усмехалась и потрогивала искусно или ленточкою на шее, или опахалом; такое жеманство продолжалось непрестанно до самого того времени, как смотритель в лорнет оборачивался к другой женщине, которая в ту же минуту принималась за такие же ужимки». И.А. Крылов «Почта духов...». 1789 год.

Надя усмехнулась и последовала к следующему в зале стенду.

Глава 13

Дима лежал в кровати и читал книгу. Мира сидела у зеркала и рассматривала своё отражение в нём: то тёрла веко, то оттягивала уголок глаза, проводила пальцем по бровям, а затем и вовсе показала себе язык. Дима украдкой наблюдал за женой, но ничем не выдавал себя. В какой-то момент она повернулась и посмотрела на него, но он никак не отреагировал – продолжал читать.

– Интересная книга? – наконец прервала тишину Мирослава.

– Я только начал, но уже интересно – «Легенды купеческой Москвы», – не прерывая чтения, ответил он, лишь перелистнул страницу.

– Я что-то не видела у нас на полках эту книгу, где ты её взял? – не унималась Мира. Она взяла со столика расчёску и провела ею по своим волосам.

– В книжном магазине, – пояснил он, поправил очки, но на Миру даже не посмотрел.

– А когда ты туда заходил?

– Тебе назвать дату? – усмехнулся в книгу.

– Назови и не только, – Мира крутилась на стуле так, что её волосы в какой-то момент пушистым облаком упали на лицо, плечи.

– Не только что? – Данилевский, наконец, поднял глаза на жену. – Конкретизируй, пожалуйста. Твои вопросы хаотичны и без всякой логики.

– Я тебя сейчас покусаяю, – откуда-то из-под волос пригрозила она.

– В этом ещё меньше смысла, – с трудом скрывая улыбку, выдал он и опять уткнулся в книгу. – Не мешай мне, пожалуйста, читать.

– Что-о-о?! – возмутилась она. – Тебе, когда я ездила в метро, значит, можно было мне мешать читать, а мне тебе нельзя? – сдунула волосы с лица.

– Мне было можно, я тебя завоёвывал, – объяснил он, не поднимая глаз.

– Ах, так! – Мира одним прыжком оказалась в кровати, плюхнулась мужу на живот. Схватила книгу, отбросила её в сторону. – Проси пощады, завоеватель, и немедленно!

– А если не попрошу? – уже не в силах сдержаться, захохотал он. Очки сползли на кончик носа.

– Тогда я... тогда я тебя зацелую до посинения. – Со всей строгостью в голосе, на которую была способна, выдала Мирослава.

– Целуй! И даже ещё больше, чем грозишься, я от тебя всё приму, – он притянул её к себе. – Как же я тебя люблю, моя озорная девчонка.

– А ничего, что после полуночи мы с тобой устроили чаепитие? – усмехнулась Мира, наливая мужу чай. Они оба после такого эмоционального и физиологического всплеска почувствовали невероятную жажду и голод. Мире пришлось сделать бутерброды и заварить чай, правда, она догадалась смешать его с мятой.

– Ничего плохого в том не вижу, – Дима сразу откусил половину бутерброда, перевёл взгляд на Беню – тот тоже присоединился к ночной трапезе и уже доедал содержимое миски, при этом громко чавкая.

– Димка, мне так нравится твой оптимизм, но... – Мира села на высокий стул напротив мужа.

– Но? – он засунул в рот вторую часть бутерброда.

– Но это же неправильно, – она посмотрела на свой бутерброд и лишь на секунду задумалась, а потом тоже откусила вполне приличный кусок.

– Зато вкусно, – Данилевский отхлебнул чай. Бенджамин сел рядом и положил ему лапу на колено. – Не, Беня, не попрошайничай, ты уже получил свой ночной ужин, – подмигнул пудельку. Тот тихонько гавкнул, по всей видимости, грустно согласился.

– Вкусно, – подтвердила Мира, сделала плоток чая. Горячо. – Ты разговаривал с братом? Рассказал ему о приезде матери и её вопросах? – вспомнила она.

– Да, перед тем, как уйти с работы, звонил ему, – кивнул Дима. – Всё рассказал, и о своём вранье тоже.

– Ну, Дим, ты же должен выручать брата, – заметила Мирослава.

– Должен, не спорю, только вот тебе не кажется, что рано или поздно мама всё узнает. Севке надо набраться мужества и сообщить о том, что он женился. Его попытки скрыть этот факт выглядят несколько, как бы это сказать, – он замолчал, подбирая слова, – малодушно, нет, трусливо. Он и так затянул всё это на целых два года, сбежав за границу.

– Я бы не сказала, что это бегство, – сказала Мира.

– Ну, хорошо, пусть не бегство, хотя выглядит как бегство. Пусть им представилась возможность прекрасного восстановления и реабилитации после таких операций, какие перенесла мама Аня, а Севке подвернулся выгодный контракт, однако, на сегодня они на Родине и теперь ему едва ли удастся скрыть то, что он поменял свой статус, – высказал мысль Дмитрий.

– Ну почему же? Москва – город большой, – Мира подлила ему ещё чаю.

– Москва – город, может, и не маленький, но у нас тонна общих знакомых, пересечения по бизнесу, да и вообще... – он замолчал.

– Ты вспомнил, как быстро Фаина Витальевна узнала мой адрес? – догадалась Мира.

– Да, и это тоже.

– Тоже? – переспросила Мира. Она не знала, что в своё время именно мать её мужа отдала приказ выкрасть его телефон и заблокировать дверь квартиры, чтобы в день их свадьбы он не смог не позвонить, не поехать к Мире. Всеволод тоже далеко не сразу рассказал об этом брату. Опасался его реакции разочарования в собственной матери. Дима сначала даже не поверил. А потом долго молчал, пребывая в мрачном настроении. Он смог простить мать, но часто вспоминал о её поступке. Мире, конечно же, ничего не рассказал.

– В общем, я считаю, что Севка должен поставить маму в известность, вот и всё, – Дима ополоснул кружки, поставил их сушиться. – А теперь спать, нам обоим завтра на работу. А тебе ещё и с Беней гулять, – добавил он. Беня гавкнул, он знал слово «гулять».

– Может быть, завтра ты с ним погуляешь? – Мира зевнула, потянулась.

– Вообще-то эту неделю твоя очередь, – заметил Дима.

– Ну, пожалуйста, ну, Митюнюшка, – она хитро улыбнулась. Забавно наморщила нос.

– Я подумаю, – ответил Дима с очень серьёзным выражением лица.

– Митенька, хороший мой, – ласково протянула Мирослава. – Ты же любишь меня, правда?

– Люблю, – ответил Дима.

– А Беню?

– И Беня мне нравится. А что? – он прищурился.

– Вот и хорошо, значит, утром ты пойдёшь с ним погулять, а? Во имя любви ко мне и своей симпатии к пуделю, – сделала вывод Мира.

– Эка вывернула, – вздохнул Дима. – Ладно, так и быть. Пойду я утром с собакой.

– Я тебя обожаю!

Глава 14

После того, как Виктория днём уложила дочь спать, вышла на крыльцо, в руках чашка с чаем, так любил Вадим – сидеть на крыльце и пить чай. Вика последовала его примеру и тоже устроилась на крылечке. Тень как раз приходила сюда после полудня, позволяя сидеть с

определённым комфортом. Который день стояла жара, и дождь вовсе не помешал бы. Виктория вспомнила, как много лет назад они бежали под ливневым дождём да ещё с грозой, от самой речки – она, Вадим и Антон. Почти в это самое время, незадолго до Ивана Купалы. Но сколько же воды с тех пор утекло. Сколько всего поменялось. И вот теперь она сидит на крылечке того самого дома, в котором познакомилась с Зориным. И влюбилась в него без памяти...

– Чем ты занята? – Вадим подошёл сзади. Он уже почти закончил разбираться в кладовке, сделал перерыв лишь на обед. Планировал на завтра начать разбираться на чердаке, там тоже успел загромоздить, не только частью стройматериалов, оставшихся после ремонта, но и, к примеру, бумагами, газетными вырезками, какими-то незаконченными работами своего отца. Тот как-то раз попросил Вадима отвезти их на дачу, обещая разобраться, просто сейчас не хватает времени. А выбрасывать – рука не поднимается, слишком много туда вложено умственного труда, да и память о лучших годах своей жизни. Вадим отцу отказать не мог, но подумал, что если отвезёт архив на дачу, тот точно никогда в нём не разберётся. Так и получилось – довольно внушительные кипы, папки и даже рулоны бумаг-свидетельств отцовской памяти благополучно осели в Беляниново. Отец периодически о них вспоминал, смотрел на календарь, выбирая дату, когда можно будет поехать в Беляниново, но понимал, что в ближайшее время – никак, и тут же забывал о своём намерении. Вадим перестал напоминать ему, махнул рукой. А теперь, когда появилось время и желание, сам решил разобраться во всём, что накопилось на чердаке. И хотя чердак его дома не был старым, всё же затеплилась надежда найти там что-нибудь интересное. Не старинное, конечно, но интересное, ведь его отец – человек удивительно увлекающийся разными направлениями, начиная от своих необычных изобретательских идей и заканчивая историческими выкладками. Одно время он даже пытался изучить историю Беляниново, подробно расспрашивая сына об этом местечке. Даже нашёл в электронной библиотеке какие-то материалы, на рабочем столе компьютера создал папку, содержимое которой вывел на бумагу, но отвлёкся на срочную работу, за ней последовал ещё один проект, в итоге он так и не вернулся к своим находкам в Беляниново.

– Я пью чай, – просто ответила Вика, – у тебя научилась сидеть на крыльце с чашкой чая. А знаешь, хорошо так, просто хорошо, – она подвинулась, давая возможность мужу сесть рядом.

– Василиса спит? – Вадим сделал глоток из кружки Виктории.

– Спит, мы сегодня много ходили. И знаешь, где были?

– Где же? Неужели дошли до реки?

– Нет, до реки мы ещё пока не добрались, зато попали в гости, – сообщила Виктория.

– В гости? – удивился Вадим. – У кого же?

– У Марьи Ивановны! Ты её помнишь?

– Марья Ивановна, – Вадим напряг память. – Это дом в конце деревни? Неужели та самая Марья Ивановна... – он улыбнулся.

– Та самая, – Вика закивала, поставила чашку рядом с собой. – Знаешь, я вспоминаю то лето со смешанным чувством, – смущённо призналась. Вадим положил руку ей на плечо.

– А я с удовольствием, – он хитро прищурил свои зелёные глаза с густыми ресницами.

– Ну, ещё бы, тогда в тебя влюбились сразу две красивые девушки, – воскликнула Виктория, – ого-го какой повод повысить свою самооценку.

– Что я успешно и делал, – засмеялся Вадим. – Так что Марья Ивановна? А почему мы её не видели прошлые года?

– Ты, когда бывал здесь, то просто не вспоминал, что на конце деревни есть домик, где живёт такая, как Марья Ивановна, я же в Беляниново стала приезжать лишь в последние годы. А Марья Ивановна перенесла тяжёлый инфаркт. Она долго приходила в себя, лишь в этом году дети решили привезти маму в Беляниново на лето. Вот мы и встретились, – объяснила Виктория. – Нас с Васей пригласили зайти.

– Понятно, – кивнул Вадим. – Ну и как в гостях у Марьи Ивановны?

– Нам понравилось: благоухающий чай, халва, клубника в мисочке, которую Вася уплетала за обе щёки. А ещё ей позволили стучать деревянной ложкой по столу столько, сколько хочется. Васька была очень довольна.

– Ещё бы! – усмехнулся Вадим. – Я бы на её месте тоже был счастлив, а то чуткие уши родителей не дают сделать всласть ни одну шалость.

– Ну, говорят же, что бабушки и дедушки балуют внуков без меры, – Вика положила голову на плечо мужу.

– Что верно, то верно. По нашей Васе это тоже заметно. Ей только дай слабинку. Особенно в том преуспели обе наши матери – драгоценные бабушки Василисы Вадимовны. Приходится потом исправлять плоды их беззаветной любви. Ладно, я в кладовку, чтобы окончательно навести там порядок, мне осталось совсем немного, – он поднялся с места.

– Хорошо, я посмотрю, не проснулась ли дочь и, может, дойду до магазина? Очень хочется мороженого. Тебе взять? – Виктория зашла в дом вслед за супругом.

– Да, купи мне вафельное – две пачки, – уже из кладовой крикнул Вадим.

Виктория вышла из дома, сдвинула на кончик носа солнечные очки, осмотрела дорогу – недавно проехал грузовик, и после него поднялась пыль. В деревне так толком и не сделали асфальтную дорогу, каждый год планировали, хотя в сторону коттеджа дорога была вполне приличной. Но не деревни. Нет, на самом въезде было что-то наподобие асфальта, правда, потрёпанного, но на этом всё и кончилось. Далее, грунтовка. Хорошо, что их с Вадимом дом находился в самом начале деревни, в непогоду можно было ещё проехать. С трудом, но проехать, не рискуя увязнуть по самые ручки дверей автомобиля.

Когда пыль улеглась, Виктория подтянула сумку на плечо и направилась по дороге к небольшому деревенскому магазинчику.

– Здравствуйте, – услышала она детский голос. Повернула голову: Валя, засунув босые ноги в промежутки между кольями забора, примостила их на горизонтальной доске, а руками держалась за верх. Сегодня она была расчёсанной. И улыбалась.

– Здравствуй, Валечка, – в ответ улыбнулась Виктория, подняла на лоб тёмные очки.

– А где ваша дочка? – спросила девочка.

– Поскольку она ещё маленькая, то после обеда спит, – пояснила Вика.

– А вы гуляете?

– Я иду за мороженым, – сообщила Вика. – Ты какое любишь?

– Я всякое люблю, – Валя прыгнула с забора, вышла на улицу, с трудом открыв старую ржавую калитку. – Только мне редко его покупают. Но это ничего, ведь, правда? Зато у меня не будет болеть горло.

– Подожди меня, пожалуйста, я скоро вернусь, – вмиг приняла решение Вика, – только не уходи, Валечка, да? – она почти бегом направилась в магазинчик. Как назло там была очередь, а продавщица из-за жары еле шевелилась. Самодельный вентилятор на подоконнике не справлялся с застоявшейся духотой, а просто гонял туда-сюда тёплый воздух.

Когда Виктория с мороженым подошла к забору, где ещё недавно разговаривала с девочкой Валею, той уже и след простыл. Она лишь заметила, что когда закрывали старую калитку, прихватили пучок давно некошенной травы, которая теперь торчала во все стороны.

Глава 15

– Я так понимаю, вы интересуетесь исключительно девятнадцатым веком? – Надя подняла голову. Перед ней стоял всё тот же молодой человек в роговых очках, да, тот самый, который показал ей расположение залов.

– Почему вы так решили? – Надежда слегка покраснела. Ей не очень-то хотелось выдавать свой интерес к изделиям именно этой эпохи.

– Потому что вы почти бегом прошли остальные залы, а в этом очень внимательно и довольно долго рассматриваете представленные выставкой экспонаты, – он поправил очки на длинном тонком носу. – А хотите, я угадаю для чего вам это надо? – тут же спросил он.

– Попробуйте, – Надя внимательно смотрела на него, пытаясь определить – почему он подошёл именно к ней. У неё вдруг возникло ощущение, что она – шпион, который на грани провала. Она даже головой мотнула: ну что за дурацкие мысли? Воображение не на шутку разыгралось.

– Вы, скорее всего, пишете какую-то работу, связанную с темой украшений и мужской моды именно XIX века. Может быть, работа даже научная, – выдал он, довольный своим предположением.

– А почему не просто статью для журнала? – Надя невольно улыбнулась. Оказывается, быть шпионом нервно и забавно одновременно.

– Не-е-т, – молодой человек сразу отмёл эту мысль, – исключено.

– Почему же? – Надежду стал забавлять разговор.

– Вы не делаете фотографий. И вы не похожи на журналистку. У вас лицо человека интеллектуального, начитанного, – он опять поправил, то и дело съезжающие на кончик носа, очки. Они скользили по нему будто по трамплину.

– А у журналисток, значит, лица иные? – она усмехнулась.

– Да, в основной своей массе иные. Так я угадал?

– Угадали, да, я не журналистка и мне, действительно, нужны сведения об украшениях этой эпохи, причём, определённой тематики, – она скосила глаза. – Именно этот стенд больше всего привлёк моё внимание.

– Извольте, могу рассказать всё, что знаю, – охотно предложил свою помощь молодой человек, – тем более что тема мне близка, антиквариат прекрасен в любом исполнении, – он откашлялся, опять поправил очки. Даже приосанился.

– ... Итак, с левой стороны стенда на ткани жемчужного цвета нашему взору предстает несколько видов шатленов, – начал свой рассказ молодой человек.

– Шатленов? – переспросила Надежда. – Насколько мне известно, шатленом во Франции именовался владелец феодального замка, а в Англии всего лишь кастелян, управляющий и главный ключник, так ведь?

– Всё верно, именно так, – подхватил молодой человек. – Отсюда и появилось название цепочки с зажимом, к которой крепились различные функциональные предметы: ключи, ножницы, блокноты, часы, флакон с духами, табаком, очки, медальоны, печатки и много других мелочей.

Первые шатлены отличались простотой и практичностью, это был обычный цепной пояс, обхватывающий талию человека, к которому крепилось несколько более мелких цепочек. Постепенно внешний вид шатленов стал изменяться. К началу XVIII века это был уже самостоятельный аксессуар, цепляемый к одежде при помощи специальной клипсы. Он стал более массивным и оброс декором. Знатные особы предпочитали шатлены из золота и серебра, покрытые эмалью и гравировкой. Ювелиры старались перещеголять друг друга, к примеру, табакерки для шатленов делали из рога, перламутра, черепахи, дерева с инкрустациями из агата, цитрина, гелиотропа, оправляли в золото и серебро, украшали драгоценными камнями. А записные книжки делали пяти-шести страничными из слоновой кости. Обратите внимание как раз на такой шатлен, – рассказчик указал на витрину, – небольшого формата записная книжка из слоновой кости, на ней рисунок витиеватого растения и свернутый рулоном лист бумаги, к клипсе прикреплена серебряная ручка.

– Да, вижу, – Надя наклонилась над витриной стенда, чтобы рассмотреть поближе. В принципе, она уже увидела то, зачем пришла. Но решила не перебивать своего случайного

собеседника, а плавно подвести его к тому, что её интересовало на самом деле. Тем более что он рассказывал интересно.

– Вот ещё серебряный шатлен, – он показал чуть правее, – любопытно, что его клипса изготовлена в виде осьминога, к щупальцам которого крепятся цепочки с курительными принадлежностями – трубка, флакон с табаком, шомпол для чистки трубки, а также часы и медальон, которого с изображением рака на крышке.

– Да, прелестная вещь, – заметила Надежда. – А что это? – она показала на довольно скромное, но необычное украшение в виде широкой и плотной цепи, по центру которой был расположен двуглавый орёл. Такой же орёл, но меньшего размера, был прикреплен к шатлену с помощью кованого кольца.

– Шатлен изготовлен во Франции, серебро 800-ой пробы, позолота. Конец XIX века.

– Вижу здесь и шатлен из золота, верно? – показала Надя на украшение по центру витрины.

– Верно, – кивнул молодой человек. – Прекрасная вещь из золота, инкрустированная жемчугом и турмалином. Стекло часов обрамлено бриллиантовой крошкой. Автор этой работы французский художник-ювелир Алексис Фализ. С 1835-1848 и с 1864г. возглавлял собственное ателье в Париже. В 1868 году вместе с Фонтенэ организовал профессиональную школу рисунка для ювелиров. В 1876 году ювелирной мастерской руководил его сын Люсьен Фализ. Для изделий отца и сына характерны японизмы: использование эмали клуазонне в подражание изделиям Китая и Японии.

– Клуазонне? – переспросила Надя. – Кажется, в Англии одно время пользовались огромной популярностью украшения из перегородчатой эмали, выполненные в технике клуазонне? – она вдруг вспомнила рассказы свёкра о коллекции зажигалок, он увлечённо говорил о разных видах техники, в том числе упомянул перегородчатую эмаль, клуазонне тоже звучал.

– Да-да, – тут же согласился молодой человек. – Я вижу, что не ошибся в своих предположениях, вы, действительно, имеете представление о том, что я рассказываю.

– Ну, моих знаний куда меньше, чем вы думаете, – искренне призналась Надя, – но, благодаря вам, я их быстро и качественно пополняю. Продолжим? Больше всего меня заинтересовала вот эта вещь. Расскажите мне, пожалуйста, о ней, – попросила она и указала на аграф. – Это брошь?

– Да, точнее, аграф, – молодой человек наклонился над стендом. – Он из частной коллекции, вот здесь есть фамилия владельца – Арлаускас. Вещь прекрасна, но, опасаясь, что не смогу рассказать вам никаких подробностей.

– Почему? – удивилась Надежда. Она постаралась скрыть волнение, которое её охватило уже во второй раз. В первый, когда она заметила на витрине аграф, ещё во время рассказов молодого человека, но сделала вид, что пока не обращает на брошь никакого внимания. А теперь сама попросила рассказать и заволновалась. У неё почти не осталось сомнений в том, что аграф – часть коллекции её свёкра. Супруг был прав.

– Дело в том, что именно этим аграфом занимался Глеб – мой коллега. Все переговоры с владельцем и доставку организовывал он. Хотя за Глебом закреплена часть зала современной мужской моды, но идея поместить сюда аграф принадлежала исключительно ему. Наша куратор пошла навстречу, хотя в изначальном варианте на выставке аграф не предусматривался, – покачал головой молодой человек.

– Даже так, – протянула Надя. – А что же нам делать? Можно мне как-то с этим Глебом поговорить? Мне, ну просто необходима информация об аграфе. Именно эта вещь произвела на меня наибольшее впечатление. Летящая комета с двумя хвостами, необычное сочетание камней.

– Я разделяю ваше восхищение, правда, – закивал молодой человек. – Давайте сделаем так: я поищу Глеба, возможно, он ещё не ушёл, и попрошу его подойти к вам?

Глава 17

Надя проснулась среди ночи, словно её кто-то толкнул. Она резко села в кровати. Мужа рядом не оказалось. Надежда прислушалась – похоже, он был в гостиной.

– Что случилось, Николенька? Не спится? – она увидела, муж что-то искал.

– Проснулся от боли в спине, Надюш, наверное, действие обезболивающего уже кончилось. Терпел-терпел, да стало невмоготу. Прости, что невольно тебя разбудил.

– Я сама проснулась, – она принесла ему стакан с водой. – Выпей лекарство, а я ещё намажу тебе спину.

Надя долго не могла уснуть, она несколько раз заглядывала в спальню, чтобы убедиться – муж спит. Значит, боль ушла. Надежда вышла на балкон, стала смотреть на спящие дома большого города. Лишь в паре окон горел свет. Там тоже, наверное, не спали. Зато двор был хорошо освещён.

Вдруг хлопнула дверь и из соседнего дома вышла женщина с собачкой. Надя раньше никогда их не видела. Обе были весьма забавного вида: женщина одета во что-то немыслимо мешковатое, перетянутое в нескольких местах яркими поясами, на голове тюрбан, на ногах туфли с вытянутыми почти по-клоунски носами. Породу собачки было определить трудно: клочковатая шерсть цвета сухого песка, короткие лапы и стоячие уголками уши. Женщина хотела закурить, но собака её так потянула вперёд, что та уронила пачку сигарет, так и не открыв её. Хозяйка собаки возмущаться не стала, а послушно почти побежала за нахальной клочковатой псиной. Наблюдая за всем этим, Надя подумала, что это собака вывела хозяйку гулять, а не наоборот. Скоро рассвет, всё-таки надо хоть немного поспать, она обещала подъехать к открытию выставки.

Как только Надя легла, сразу же провалилась в сон – глубокий и без сновидений. Она едва не проспала, хотя ей показалось, что легла буквально несколько минут назад. Будильник был выключен ею ещё ночью, чтобы не мешать сну супруга. Надя тихонько поднялась с кровати, накинула на плечи халат. Николай спал, даже не пошевелинулся.

Она быстро сварила себе кофе – есть особо не хотелось, приняла душ, подкрасила глаза, распустила волосы, оделась в шёлковое платье, выскочила на улицу. Подняла голову, посмотрела на окна своей квартиры – супруг так и не проснулся. И это хорошо, потому что она хотела съездить одна, интуитивно чувствуя, что присутствие мужа помешает ей узнать больше. Она как женщина, не могла вчера не заметить, что произвела впечатление на Константина – забавного мальчика в очках с роговой оправой. А значит, он ей не откажет в любой просьбе.

Сегодня пришлось оставить автомобиль куда дальше от выставки, чем вчера, парковки улиц и проспектов были переполнены. Надежда посмотрела на себя в зеркальце, поправила волосы, обновила помаду на губах, в целом осталась довольна своим видом. Потуже застегнула ремешки на обеих босоножках и решительно направилась к павильону.

– Так, давайте по порядку, – сказал следователь Турчанинов, он только что вошёл в помещение выставки, где уже вовсю работали оперативники, они наперебой стали докладывать ему о случившемся. Тут же была куратор выставки – нервная средних лет женщина с фигурой подростка и чрезмерно короткой стрижкой, зато в ушах золотые серьги с большими зелёными камнями. Пока она говорила, серьги безостановочно колыхались, как маятники. Немудрено, в самой мочке уха было что-то в виде подковы, за которое крепилось витиеватое кольцо. К нему ещё одно кольцо, в которое-то и был вставлен камень. Турчанинов почесал в затылке, зачем женщины носят такое? Странное понятие красоты, однако. Лучше бы волосы отрастила. Он ещё раз посмотрел на куратора выставки, надо остановить бесполезный поток её речи и самому задавать вопросы, иначе эта дама его окончательно запутает, достаточно её маятников в ушах.

– Милена... – он попытался вспомнить отчество куратора.

– Милена Давыдовна, – тут же подсказала она, почему-то щёлкнула пальцами. Турчанинов несколько удивлённо посмотрел на этот жест, но комментировать не стал.

– Итак, Милена Давыдовна, я задаю вопросы, вы отвечаете. По возможности, лаконично и по делу, хорошо? – сказал следователь.

– Да, вот я и говорю.

– Говорю здесь я, вы отвечаете, – бесцеремонно перебил Турчанинов. – Кто последним ушёл вчерашним вечером из павильона?

– Я последней ушла из павильона, – ответила куратор, – точнее, мы ушли последними.

– Мы – это кто? Вы и? – стал уточнять следователь.

– Я и Марк Чередеев – один из моих помощников, – ответила куратор.

– Так, Марк Чередеев, – записал Турчанинов, – Паша, мне нужен этот самый Марк, возьми список всех сотрудников выставки и, прежде всего, найди телефон Чередеева, – обратился он к одному из оперов. Тот кивнул. – Кто из вас включил общую сигнализацию? – он опять повернулся к куратору.

– Марк, – быстро ответила она. – Обычно её включает один из наших сотрудников. Тот, кто уходит последним.

– Понятно, значит, каждый из ваших сотрудников знает, как включить или выключить сигнализацию всего павильона, – сделал вывод Турчанинов.

– Это же очевидно, – куратор тряхнула головой, и серьги опять заколыхались.

– Ну да, – задумчиво согласился следователь. – Что у нас там с Марком?

– Евгений Борисович, он не отвечает на телефонный звонок, – ответил оперативник.

– Подождём, может быть, он в пути на работу, хотя, – посмотрел на часы, – должен быть уже здесь. Чередеев всегда опаздывает? – повернулся к Елене Давыдовне.

– Нет, вообще-то он пунктуален. По крайней мере, за всё время выставки ни разу не опаздывал, – сказала она.

– А раньше?

– И раньше никогда не опаздывал, – не скрывая раздражения, ответила куратор.

– Мне надо будет поговорить с каждым из ваших сотрудников, – не обращая внимания на её тон, сказал Турчанинов. – Да, хочу уточнить вот ещё что: пострадал лишь один зал? Правильно я понимаю?

– Правильно, мужская мода и украшения XIX века. Разгромлены три стенда, из них украдены почти все экспонаты, – ответила куратор.

– Почти? – переспросил Турчанинов.

– Те, которые представляют и историческую, и материальную ценность, – она поджала губы, накрашенные тёмной помадой.

– Составьте мне список украденного и соответственно укажите в нём ценность каждой вещи. – Турчанинов достал из кармана платок и вытер им лоб. В залах не включили кондиционеры, и становилось душно. Июль в этом году вообще решил добраться до отметки +35. В такое время лучше всего у моря, а тут приходится ловить преступников.

– Евгений Борисович, – появился оперативник, – прибыл Марк Чередеев.

– Давай его сюда, Паша, – Турчанинов перевернул листок блокнота.

– Здравствуйте, – в зал вошёл молодой человек – высокий, статный. Одет, как с иголочки, эдакий красавчик – любимец женского пола. И такой занимается искусством? Турчанинов ухмыльнулся.

Глава 18

С самого утра погода испортилась, хотя обычно так думают те, кто живёт в городе, а вот сельскому или деревенскому жителю дождь в радость, особенно в летнюю пору. Сначала небо недовольно хмурилось, потому что ветер всё пригонял и пригонял мешковатые серые

тучи, которые, наконец, собравшись вместе, обрушили на землю шумный проливной дождь. Он забарабанил по скатам крыш домов и сараев, звонко и ритмично застучал по пустым вёдрам, мискам и бидонам, оставленным во дворе или на грядках, скатывался с листьев деревьев и омывал на них уже успевшие размягчиться плоды. Земля в удовлетворении разбухала, разопревала, впитывая в себя живительную влагу, подаренную небом.

– Доброе утро, – Виктория стояла на крыльце в одной рубашке и слушала дождь. Потянулась, зевнула, взъерошила волосы, обернулась на голос супруга.

– Доброе утро, Вадик, – отозвалась она. – Ты давно проснулся? – спросила, заметив, что он уже одет в комбинезон, в котором обычно копался либо в гараже, либо в кладовой.

– Давно, ещё до дождя, – Вадим чмокнул её в щёку. – Смотри, какое небо вдали, – показал рукой. – Видишь, просвет? Какая чистая лазурь, неземная.

– Правда, восхитительно, – закивала Вика.

– А слышишь такой звук, будто тоненько играет флейта? – спросил он, – прислушайся, такое фю-ю-ю.

– Кажется, слышу, – Вика застыла, – да, слышу. А что это за птица?

– Это иволга, она ещё поёт в начале июля, одна из немногих. Кстати, очень красивая птица с лимонно-чёрным окрасом, – стал пояснять Зорин. – Иволги прилетают позже остальных птиц – в конце мая. А знаешь, почему?

– Почему же? – Вика прищурилась, пытаясь обнаружить эту чудесную певунью на близлежащих деревьях. Но без очков это было невозможно, да и с хорошим зрением не всегда удаётся найти птицу среди густой кроны.

– Из-за слишком яркого окраса, иволге важно, чтобы деревья полностью распустили свои листочки.

– Как просто и как мудро, – восхитилась Виктория, – Вадик, ты просто кладёшь знаний.

– Есть немного, – улыбнулся он, – а теперь ещё прислушайся. Звук стал похожим на кошачий крик, верно?

– Верно, – Вика удивлённо приподняла брови. – А это что за птица?

– Всё та же иволга, – развёл руками Вадим. – Она способна издавать весьма непохожие друг на друга звуки, от пения флейты, кошачьего визга и до стрекота. Поэтому её иногда и называют лесной флейтой и лесной кошкой.

– Вадюша, а ещё какие птицы поют в июле? – Вика прижалась к мужу. – Ты сказал, что их немного.

– Ещё летом может петь чечевица, тоже красивая птица с красной головкой и розовой грудкой. Если услышу её пение, сразу обращу твоё внимание. Когда чечевица поёт, то слышится очень смешная фраза «Витю видел?», – рассказал Вадим. Виктория засмеялась. – Ещё в июле поют славки и камышовки. Но их здесь не слышно.

Дождь кончился, лазурь разлилась по всему небесному куполу, на котором стала видна радуга. Один её конец уходил за последний дом деревни, словно прятался в его крышу, верхняя часть дуги зависла над пролеском, а другой конец семицветки упирался в берег реки.

– Василиса, – смотри, как красиво, – Вика взяла дочь на руки и показала ей радугу.

– И-и-и! – выдала звук восхищения девочка. Такую огромную радугу она видела впервые.

– Мы с тобой позавтракаем, за это время подсохнет дорога, и мы пойдём гулять к лесу, хорошо? – сказала Виктория, спуская девочку на пол.

– Гуять! – одобрила Василиса и побежала в дом.

Вадим в задумчивости стоял на пороге чердака – с чего бы начать? Оттащить и выбросить вон те обрезки досок, но куда? Они вроде вполне пригодные, мало ли, для чего понадобятся. А банки с краской? Две из них даже не открыты, в одной краски на дне. Он почесал в затылке, пожалуй, надо начать с того, что настёжь открыть окно – слишком душно, да ещё дождь про-

шёл. Зорин распахнул окно, выглянул наружу – свежий ветерок буквально ворвался в помещение, пролетел по нему, стукнулся в косяк, затем в открытую дверь и создал лёгкий сквозняк.

Вадим подтянул лямки комбинезона и принялся складывать доски в одно место, он потом решит, куда их использовать. В том же углу расположились банки с краской, в найденной внизу коробке, пришлось спуститься в гараж, Зорин сложил обрезки плитусов, пластиковые декоры, три кусочка металлических уголков. Здесь же остатки керамогранита и даже декоративный кирпич. Когда Вадим обнаружил нераскрытую упаковку плиток, то основательно озадачился: он не помнил, чтобы покупал или заказывал такую плитку. После некоторых раздумий, пришёл к выводу, что эту плитку покупал отец и, по всей, видимости, тоже привёз сюда. Только почему одна упаковка? А может, эта плитка осталась от магазина? Ладно, пусть лежит, как и рулон целлофана, два рулона обоев и пачка клея.

Пока Зорин всё перетаскивал и складывал в одно место, несмотря на ветерок в чердачном помещении, взмок, поэтому решил отдохнуть. Он уселся прямо на сложенные доски, захотелось пить. Но для этого надо спускаться вниз, ладно, остынет – спустится.

– Ну как ты здесь? – неожиданно в дверном проёме чердака появилась Виктория. Она уже накормила дочь и одела её на прогулку.

– Нормально, вот разбираю залежи, сел отдохнуть, душновато, конечно, но раз взялся, – сказал Вадим, вытер тыльной стороной ладони лоб.

– Вижу, – Виктория покачала головой. – Минутку, я сейчас вернусь, – она быстро исчезла из поля зрения. Вернулась, действительно, быстро, в руках бутылка с водой.

– Как ты догадалась? – восхищённо произнёс Вадим, стал жадно пить воду, даже облил ею шею и грудь.

– Я беру пример с Нади – она удивительно точно умеет угадывать желания своего мужа, – засмеялась Виктория. Вадим засмеялся в ответ, обнял и поцеловал Викторину.

С приподнятым настроением, утолив жажду и взбодрившись, Вадим продолжил разбирать чердак. Дело дошло до архива и бумаг отца. Тубус с чертежами он решил всё-таки выкинуть, точнее, самую конструкторскую документацию, хотя, кому сейчас нужен и тубус? Затем открыл большую папку с какими-то расчётами и картинками, скорей всего, различные ноу-хау отца, его рационализаторские идеи, причём, устаревшие – ну, судя по желтизне бумаг и рукописному тексту. Хотя, вот тут уже печатный текст машинки. А это что?

Вадим вытащил из бумажного мешка целую пачку перевязанных суровой ниткой писем. Много, очень много писем. На письме сверху прочитал адрес и присвистнул в удивлении. Письмо оказалось в Ленинград. От его матери отцу. Зорин стал развязывать верёвку, узел на которой слишком затянулся, но тот ни в какую не поддавался. Вадим попытался порвать нитку зубами – тщетно. Покрутился в поисках чего-то острого – на одной из полочек у стены лежал забытый маленький ножик. Вот уж кстати! Вадим разрезал верёвку, вытащил из пачки первое письмо. Покрутил конверт в руках, у мамы был смешной, почти детский почерк. На обратной стороне конверта, там, где шла линия склеивания, было нарисовано сердечко. Вадим усмехнулся, вытащил вдвое сложенный тетрадный листок.

Глава 19

Всеволод так закрутился на работе, что лишь ближе к концу дня вспомнил – он опять не пообедал. Есть, правда, не хотелось – из-за жары. Он ещё с утра нарочно отключил в офисе кондиционер и открыл окна, чтобы дышать, пусть и несвежим московским воздухом, но всё же без искусственно создаваемой прохлады.

В телефоне было несколько пропущенных звонков, среди них – звонок матери. Всеволод вздохнул, подумал о том, что теперь совсем не рад звонкам мамы, хотя она и раньше не отличалась сентиментальностью и обычно звонила по делу, либо выказать своё недовольство, к которому он относился довольно спокойно. Это Димка всегда переживал из-за претензий

матери, побаивался их, Всеволод же часто шутил по этому поводу и вообще являлся, ну если не буфером между ними, то посредником. Иногда и миротворцем. Фаина Витальевна прислушивалась к его мнению, одному из немногих в своей жизни. Правда, убедить её по поводу выбора Димы он так и не сумел.

– Мама, ты звонила мне, – спросил Всеволод.

– Да, звонила. Надеюсь, ты не забыл, что на следующей неделе мой день рождения, – сказала она.

– Не забыл, – облегчённо ответил он, устроился в кресле, закинул ноги на стол. Чисто американский пижон, вот дуралей. Ему стало смешно над собой. Посмотрел в календарь на столе. Будний день, интересно, что мама придумает?

– Это вселяет надежду, – с заметной долей сарказма прокомментировала она.

– Надежду на что? – Всеволод рассматривал мыс своего ботинка.

– Мать для тебя ещё что-то значит. Ведь с того момента, как ты вернулся из Европы, ты не звонишь мне, не приезжаешь. Всеволод, это не претензии, но...

– Мамочка, это именно претензии, – вставил он, опустил ноги на пол. Напряжение в разговоре начало нарастать.

– Ты отдалился от меня, – привела она ещё один аргумент, – у меня складывается впечатление, что причиной тому может быть...

– Мой ненормированный график работы, – опять её перебил Всеволод, – ты знаешь, сколько мне надо сделать за короткий срок, тем более что меня давно не было в офисе.

– Знаю, но всё равно интуитивно я чувствую во всём этом какой-то подвох, Всеволод, – она сделала паузу, – ты ничего не скрываешь от меня?

– Мама, помилуй, что я могу скрывать? – Всеволод порадовался хотя бы тому, что сейчас она не видит его лица.

– Ладно, пусть так. Что касается моего дня рождения, то я приглашаю тебя в загородный особняк к семи вечера, будь любезен не опаздывай, – деловитым тоном произнесла Фаина Витальевна.

– Спасибо, мама, а Димку с Мирой ты пригласила? – Всеволод взял в руки карандаш и стал крутить его между пальцами.

– Твоего брата – да, эту девицу – конечно же, нет.

– И что Димка?

– Отказался быть на празднике, сказал, что один никуда не поедет. Возмутительное поведение, и это мой сын, – фыркнула Фаина Витальевна.

– Молодца братишка, – Всеволод прицелился и метко закинул карандаш в органайзер.

– Что? Что ты сказал? – не расслышала Фаина Витальевна.

– Я сказал, что Димка стал совсем взрослым.

– Ты ошибаешься, дорогой, твой брат не повзрослел и не поумнел, увы. Меня утешает только то, что ты не такой, Всеволод.

Попрощавшись с матерью, он положил трубку телефона. Поднялся со своего места, стал отмерять шагами помещение. По ходу просмотрел остальные неотвеченные звонки, что-то набрал в сообщениях, затем взял со спинки кресла пиджак и вышел.

– Такое впечатление, словно ты не ел весь день, Сева, – Анна посмотрела на мужа. Он сегодня вернулся с работы пораньше, бросил в коридоре пиджак, чего никогда не делал, отличаясь поразительной аккуратностью. Молча, поцеловал жену, молча, вымыл руки и сел ужинать.

– Неправильное впечатление, – соврал он, – просто ты очень вкусно готовишь, Анечка. Спасибо, моя любовь, – ободряюще подмигнул, доел всё, что было в тарелке, и откинулся на спинку стула.

Анна кивнула, неловко улыбнулась. Подумала о том, как изменился супруг с того момента, как они вернулись в Россию. Он всё время будто в напряжении, в тревоге, хотя всё так же пытается шутить, балагурить, а у самого глаза серьёзные. Может быть, ему не по душе жизнь в этом доме, он привык к большей роскоши. Да и на работу ездить далеко. За границей было всё как-то иначе – легко, свободно, хотя Всеволод и там много работал. Но та жизнь отличалась от этой – на Родине. Анна стала думать о том, не сделали ли они ошибку, заключив брак. Нет, она по-прежнему любила Всеволода, но ей казался куда более важным факт его личного спокойствия. Она обратила внимание на то, что по прибытии в Москву он снял с пальца обручальное кольцо, а ведь за рубежом носил его. Это была идея Севы – купить кольца. Анна тогда засомневалась: стоит ли? Пусть молодые носят кольца. На что Всеволод сказал, что они тоже молодые. И купил ей обручальное кольцо – с бриллиантами.

– Иди ко мне, – требовательно сказал он, она повиновалась. Всеволод прижался к груди жены, закрыл глаза.

– Севочка, милый, у тебя неприятности? – тихо спросила она.

– Почему ты так решила? – он открыл глаза, поднял голову и посмотрел жене в лицо.

– Не знаю, я так ощущаю, – она пожала плечами.

– Моя родная, это всё женские фантазии, не более, – Всеволод стал расстёгивать на жене халат, губами нашёл грудь, принялся ласкать её. Затем крепко прижал к себе, несколько секунд не двигался. – Я люблю тебя, – подхватил Анну на руки и отнёс в спальню.

Глава 20

Надежда не успела дойти до павильона, как увидела возле него людей в форме. Внутрь никого не пускали, недалеко стояла полицейская машина.

– Вы пришли, – Надя услышала голос Константина, повернула голову. Он держал очки в руках и близоручко смотрел на неё.

– Доброе утро, Константин, – поздоровалась Надя, – пришла, но, кажется, не вовремя. Что-то случилось на выставке?

– Да, случилось ужасное, – он надел очки и тут же их снял, – ночью выставку ограбили, причём позарились только на один зал, – молодой человек сделал паузу.

– Только не говорите мне, что тот зал, где мы вчера были, – упавшим голосом сказала Надежда.

– К сожалению, это так, – закивал Константин. – Унесли самое ценное, что было на стендах. Ох, нас ждут неприятности.

– И аграф тоже украли? – нервно спросила она, надеясь, что хотя бы здесь Константин её не расстроит.

– Тоже, – подтвердил молодой человек, – и ещё много чего. Полиция обязала в ближайшее время составить список того, что пропало. А ещё они всех допрашивают, – Константин обернулся и посмотрел на оперативника, который только что вышел из здания павильона. – Я никогда не имел дел с полицией.

– Постарайтесь успокоиться, Костя, – как можно мягче сказала Надежда, – да, случившееся крайне неприятно, но вы же ни в чём не виноваты, полицейские это поймут.

– Надеюсь, хотя Марка уже полчаса допрашивают. У следователя такое выражение лица, будто он уже подписал ему приговор. Марк вчера всего лишь уходил последним и включил сигнализацию. Но он не мог украсть, я уверен.

– Почему? – не скрывая интереса, спросила Надежда.

– Марк хотя и сноб, каких поискать, надменен, к тому же красив как актёр и любимец женщин, но он кристально честен. Принципиально никогда не возьмёт чужого, – выдал Константин. – Тем более в том, что касается его работы, он просто помешан на истории и геммологии. Я давно Марка знаю – мы учились вместе.

– В таком случае, кто же мог? – озвучила свои мысли Надя.

– Ума не приложу, – наконец, надел очки, опять заволновался, – вчера в этом зале я был дольше всех. И я знаю лучше, чем другие, историю тех экспонатов, которые там были представлены. Ну, лучше, после Марка, конечно.

– Разве только вы и Марк? – засомневалась Надежда. – Насколько мне помнится, вы сами утверждали, что аграфом занимался, как его там? Глеб? А кстати, где он?

– Да-да, Глеб. Постойте, но я его не видел с самого утра, где же он? – всполошился Константин. – Вчера вечером я дозвонился до него и рассказал ему о вас, Надежда. Он ответил, что всенепременно расскажет вам об аграфе и подъедет утром к открытию выставки. Но сегодня я не видел Глеба, – он ещё раз обернулся, поискал глазами коллег, которые кучкой стояли в стороне. Наконец, из павильона вышел ещё один молодой человек. Судя по всему, тот самый Марк, вот как к нему все бросились, – подумала Надежда. Сноб и любимец женщин. Но её он не интересовал, а Глеб, который, судя по всему, не приехал на работу. Или же сильно близорукий Костя его просто не увидел.

– Простите, пожалуйста, Надежда, я ненадолго покину вас, надо поговорить с Марком, – умоляюще посмотрел на неё Константин. – Не уходите, прошу вас.

– Хорошо, – она невольно улыбнулась. Всё-таки, когда нравишься мужчине, он перед тобой слаб.

– Вот уж не ожидал встретить здесь вас, – она узнала голос и вздрогнула. Медленно обернулась. Надо было не слушать Костю, попрощаться и быстро уйти. Нет же, осталась, желая узнать больше, и попала в поле зрения совсем нежелательного человека. – Меня мало можно чем удивить, но тут, не скрою, сюрприз, – Турчанинов щёлкнул зажигалкой, затянулся. – Госпожа Фертовская, – выпустил струюку дыма в сторону.

– Здравствуйте, Евгений Борисович, – Надежда выдавила из себя улыбку.

– Хорошая память, – он ухмыльнулся, посмотрел на неё исподлобья.

– Не жалуюсь.

– А вот я жалуюсь, – тут же ответил следователь. – Жалуюсь на то, что уже во второй раз, когда происходит кража драгоценностей, почему-то рядом оказывается кто-то из семейства Фертовских, – стряхнул пепел с сигареты.

– Это совпадения, – Надя решила не тушеваться. Она помнила, как Турчанинов прессовал её мужа.

– Я в них не верю, госпожа Фертовская. Итак, что вы здесь делаете? – он нахмурился.

– Пришла на выставку, как и другие посетители, – она жестом показала на десяток людей, которые толпились недалеко от входа, их, конечно, туда не пустили. – Сегодня последний день, – пожала плечами.

– То есть вы хотите сказать, что пришли на выставку в первый раз? – уточнил следователь.

– Именно, – подтвердила Надежда.

– А о чём тогда вы так мило разговаривали с одним из помощников куратора выставки? Вон с тем очкариком, – поймал её Турчанинов.

– О выставке, о чём же ещё? – она пожала плечами, поправила пушистые волосы, откинув их назад, посмотрела Турчанинову прямо в глаза. Ну, не лгала же, они, действительно, говорили о выставке.

– Хороший ответ, – похвалил следователь, – особенно, если учесть, что вы здесь случайно.

– Не случайно, а целенаправленно, – уточнила Надя.

– Целенаправленно? – переспросил Турчанинов.

– Да, люблю, знаете ли, искусство. Вот с этой целью и хожу по выставкам.

– Ладно, сделаем вид, что я вам поверил, – следователь сверлил Надю взглядом.

– В таком случае, я свободна? – она посмотрела на часы, затем краем глаза на Костю. Только бы теперь ему хватило ума не направиться к ней. И он не сделал ни шагу, хотя смотрел на Надежду. И видел, как она уходит. Но следователь тоже смотрел ей вслед.

Как только Надя дошла до своей машины, она набрала в телефоне номер Кости, он ответил почти сразу:

– Костик, милый, а давайте встретимся, – она сделала паузу, – ну хотя бы сегодня вечером? Мне всё ещё нужна помощь для научной работы, да и просто побеседуем, я вас очень прошу, – произнесла эту фразу мягко, почти проворковала.

– Да, конечно, – быстро ответил молодой человек. – Я постараюсь найти для вас ещё и Глеба, – добавил он.

– Буду признательна! И рада вас увидеть. Адрес кафе я вышлю сообщением.

Надежда села в машину, несколько минут просто не двигалась. Ещё вчера всё было куда проще, ну, по крайней мере, без криминала. А сегодня кража и на горизонте Турчанинов. И опять следствие. А главное, аграф опять исчез.

Глава 21

Вадим спустил лямки комбинезона с плеч, вытащил из пачки сразу несколько писем и уселся прямо на полу под окном. То письмо, что было сверху, он уже прочёл. Мама писала, что до дома она добралась хорошо, на перроне её встретил брат. Затем были романтические впечатления о поездке с описанием тех мест, куда её и друзей водил Гоша, так она называла Георгия, и вообще, несмотря на непогоду, Санкт-Петербург ей показался самым прекрасным городом на планете. Вадим понял, что девочка по имени Виолетта просто влюбилась.

Вторым было теперь уже ответное письмо от Гоши Зорина. Его слог был не столь романтический, он больше рассказывал о том, что грядёт третий курс института, но он решил пойти подрабатывать, поэтому придётся вертеться, хватит уже сидеть на шее родителей, у него должны быть свои деньги. А ещё они с ребятами изобрели такую штуку, далее последовало подробное описание рационализаторского предложения, которое едва ли было интересно девушке. Но Гоша описывал его с упоением, даже сделал эскиз прямо в письме. Вадим не сдержал смех – отец был в своём репертуаре.

Но каково же было его удивление, когда в следующем письме он увидел восторг в целых три строки, написанный его матерью по поводу изобретения Гоши. По всей видимости, она внимательно прочла описание той технической шарады, проект которой прислал ей Гоша, потому что задала своему будущему мужу вопрос, касающийся какого-то диода. От чего Гоша пришёл в неопишное возбуждение, назвав Виолу не только самой красивой девушкой, но и самой умной. Опять же в письме. Затем он добавил ещё несколько эмоциональных эпитетов, из чего Вадим заключил: батя попался в грамотно расставленные сети матушки. Отродясь она не разбиралась в диодах, не разбирается и сейчас. Он не сомневался. Но, по всей видимости, на тот момент её кто-то хорошо проинструктировал. Пожалуй, также вполне могла поступить и Виктория. Между ними есть общее, не зря они так сдружились с самой первой встречи, да и мама Вику всегда защищает, оправдывает. Неужели правду говорят, что мужчина ищет жену, похожую на мать?

А ведь Виола в молодости тоже была писаной красавицей, с правильными чертами лица, тонкой талией, прямой спиной аристократки, одним словом – семейство Фертовских. Которые всё равно держались особняком, на расстоянии от людей. Гордецы, что сказать. Неудивительно, что отец Виолетты Фертовской был против того, что она влюбилась в студента из Санкт-Петербурга, мальчика из обычной семьи. Пусть и умненького. Отец и брат. Оба долго не могли принять её выбор.

Вадим открыл следующее письмо, поменял позу – ноги затекли. В следующем письме Виолетта как раз писала о том, что брат устроил ей реприманд, заметив пачку писем неосто-

рожно оставленных на столе. Он их не читал, но увидел адрес и имя на конверте. Этого было достаточно, чтобы разгневаться, потому что в её годы надо думать не о чувствах, а о том, чтобы поступить в институт, это важнее всего. Учёба и выбор профессии, а не девичьи пустые грёзы. Виолетта заверила своего возлюбленного, что её не смущают слова брата, и она сама решит, что ей в жизни важнее. И это было в стиле мамочки, она, действительно, всегда сама решала, как ей жить, как расставлять приоритеты и что при этом делать.

Зорин прочёл две трети писем из всей пачки, решил сделать паузу, задумался. Родители не так много рассказывали ему о своей молодости, нет, конечно, часть историй он знал, но без таких подробностей, которые обнаружил в их письмах. Сколько же в них было нежности, чувственности, трогательности, почти в каждой строке, даже там, где Виолетта просто рассказывала о проведённом дне, но без него. А Гоша о том, что, сидя на лекциях, несколько раз засыпал – это из-за того, что ночами он работал. Ведь он копил на свадьбу, потому что не проходило и дня, чтобы он не думал о своей желанной Виоле. В этих слегка пожелтевших от времени листочках хранилась история не просто двух молодых людей, их чувств, движений души, а некий мост между Москвой и Санкт-Петербургом, ведь на фоне их элегических объяснений свершались события не только городского масштаба, но и страны.

– Вадимыч, – в дверях появилась Вика, – ну как ты тут? О, сидишь на полу, – удивилась она. – Разобрал? – она огляделась.

– Да, почти, – кивнул Вадим. – Вы хорошо погуляли?

– Отлично, я бы сказала. Мы дошли до леса, сегодня наша дочь особенно шустр и совсем не устала. По возвращении я её покормила и уложила спать. А ты, я так понимаю, не обедал, – Виктория подошла к окну, выглянула наружу. – Какой здесь вид! – восхитилась она. – Надо сюда подниматься под настроение и смотреть на округу сверху, красота-то какая! А что это у тебя, Вадик? – она, наконец, заметила письма.

– Представляешь, я обнаружил письма своих родителей, – объяснил Вадим, – ещё на тот период, когда они только познакомились – мама сразу после окончания школы со своими друзьями поехала в Питер. И познакомилась с Гошей Зориным – моим будущим отцом, – он взял в руки несколько писем. Виктория села рядом с мужем тоже прямо на пол.

– Ух, как интересно! – воскликнула она, поправила очки, – и ты сейчас читал все эти письма?

– Читал, – улыбнулся Вадим, вдруг вспомнив, как Виолетта в письме приревновала Гошу к какой-то комсомольской активистке. Он наивно писал-рассказывал, как та агитировала его на какой-то субботник. А потом приглашала на танцы. Виолетта в самых щедрых красках навела критику на потенциальную соперницу и пообещала, как только приедет в Санкт-Петербург, показать ей небо в алмазах. – Думаю, и тебе будет увлекательно.

– И ты разрешишь мне их прочесть? – с надеждой спросила Вика.

– Ну-у-у, – он закатил глаза, – разрешу, если ты будешь хорошо себя вести, – выдал без улыбки. Сдержался.

– Клятвенно обещаю хорошо себя вести! Во всём слушаться моего образцового мужа, лелеять его, холить, кормить вкусными обедами и далее огромный список моего почтения, – засмеялась Виктория.

– Ну, ладно, если образцового, тогда дам тебе почитать письма, – с важностью в голосе сказал Вадим.

– Что самое интересное, самое главное ты вынес из писем своих родителей, Вадимыч? – Виктория положила ему голову на плечо.

– Главное? – он на секунду задумался. – А давай сделаем так: как только ты прочтёшь, мы обсудим, что тебе показалось важным или главным, что зацепило, нашло отклик в твоей душе. Договорились? – предложил он.

– Договорились, – кивнула Виктория, – как же давно я не читала писем, не электронных, а вот таких, написанных от руки – живых.

– Хорошо подмечено – живых, – улыбнулся Вадим. – Я как-то читал: авторы «Полного русского письмовника» Бельский и Сазонов в конце XIX века определили письмо, как ту же устную беседу, тот же разговор между отсутствующими, только на бумаге. Ведь по сути письма свидетельствовали о неповторимости автора как личности, отражали его нравственный облик, даже служили мерилom его образования и знаний. А если переписка дружеская, то она могла дышать неподдельной задушевностью, шутками. А какое множество эмоций может быть в переписке между влюблёнными. Вика, отказавшись вот от таких писем, наши поколения многое потеряли.

– Вадим Георгиевич, я полностью с вами согласна, и с вашим интереснейшим экскурсом в прошлое, – Вика чмокнула мужа в щёку, – всё-таки ты создан быть преподавателем.

– Ты так думаешь? – он хитро прищурился.

– Уверена, – она поднялась с места, оправила сарафан. – Жду тебя через пятнадцать минут внизу, на кухне. Даже мужа-философа надо кормить обедом. А насчёт писем – мы ещё вернёмся к этой теме, интересно, – она легкой походкой направилась к выходу, быстро спустилась вниз.

Глава 22

Мира с самого утра пыталась доделать отчёт, который должна была сдать ещё вчера, но не сходились данные в финальных цифрах. Она откинулась на спинку кресла, покачалась в нём, затем стала тереть виски, будто у неё болела голова. Пару минут сидела с закрытыми глазами, затем всё же решила прогуляться по коридору здания. Может быть, в голову придут спасительные идеи. При мысли о переделывании всего отчёта, Миру охватывала дрожь.

За прогулкой по коридору Мирославу застал начальник, который тут же уцепился за факт несданного отчёта и отругал её. В офис Мира вернулась ещё более удручённая. Посмотрела на монитор компьютера, постучала по клавишам. В следующий момент увидела, как вибрирует телефон.

– Алло, – протянула в трубку.

– Привет, жена, – раздалось на том конце, – как дела? Мы сегодня обедаем вместе?

– Дима-а-а, не получится, – Мира со злостью отвернула от себя монитор, подошла к окну, стала смотреть, как входят и выходят из здания сотрудники. – Я никак не сделаю отчёт. Только что получила нагоняй и в ближайшее время мне светит выговор. Если не хуже.

– Неужели всё так серьёзно? – удивился он. – Я могу тебе чем-то помочь?

– Это не твой профиль, – она вздохнула. – Так что пообедай без меня, возможно, я и вечером задержусь, – ещё раз вздохнула.

Мира как в воду глядела, ошибку она нашла лишь к вечеру, всё-таки пришлось всё пересчитывать, но мучения не прошли даром. Отчёт был отправлен начальнику сегодняшним числом.

Она вышла из здания, посмотрела на часы, может, стоило позвонить мужу, чтобы встретил? А впрочем, не надо, она решила прогуляться. После обеда поднялся ветер, который несколько ослабил жару, особенно к вечеру, так что вполне можно было пройти по городу.

Мире нравилась та часть столицы, где она работала – множество улиц и переулков, большинство построек невольно напоминали о старой купеческой Москве. И неважно, что теперь в них располагались многочисленные кафе, ресторанчики, магазины, архитектура некоторых из них даже после реконструкции по-прежнему сохраняла шарм зданий прошлого века. Мира обладала от природы хорошим воображением, поэтому легко себе представляла, что, к примеру, вот в этом двухэтажном особняке, наверняка, устраивали всевозможные балы. Куда в экипажах съезжались нарядные девицы, brave молодые люди. Девицы, обмахиваясь веерами,

обсуждали новые комеражы, кокетничали, а молодые повесы обольщали и амурничали. Звучала по тем временам популярная музыка, которую седовласые матроны также поругивали, как и сейчас зрелое поколение критикует музыку молодежи. Да и мода на одежду подвергалась укорам.

Мирослава перешла на другую сторону улицы, на секунду задержалась у витрины книжного магазина. Давно она не покупала ничего нового, в последнее время муж обогнал её в чтении книг, он мало брал в руки телефон, особо не любил социальные сети, предпочитая читать новости и статьи по специфике своей работы. Также его интересовали какие-то исторические события, выкладки и рассуждения по ним.

– Обычно красивые девушки стоят возле витрин торговых центров, но никак не книжных магазинов, – с лёгкой иронией произнёс приятный слуху мужской баритон.

– Валера, – Мира засмеялась, – поразительное совпадение: вот уже во второй раз за неделю мы встречаемся на улицах Москвы.

– И я этому только рад, – он галантно поцеловал ей руку. – Но если в первый раз ты была у здания своей работы, то сейчас довольно далеко от неё, – удивился Валера, расстегнул пару пуговиц на рубашке сверху, откинул назад волнистые влажные волосы. Мимо проходившие девушки, заинтересовано посмотрели на него, потом ещё и обернулись. Валерка всегда умел производить впечатление.

– Я решила после работы погулять, настроение такое, – объяснила Мира, заметила взгляды девушек на её собеседника и невольно усмехнулась.

– Значит, ты никуда не торопишься? – спросил Валера, посмотрел на руку с часами.

– Ну, в общем-то, да, – кивнула Мира, ей и, правда, не очень хотелось домой. После проделанной каторжной работы и сданного отчёта появилось чувство свободы – пленительное, сладкое. Потому и гулять отправилась.

– В таком случае, почему бы нам не поужинать? – предложил Валера. – Ты мне обещала встречу, мы бы вспомнили наш двор, детство, игры. Давай это сделаем сейчас – как тебе такая идея? – он с надеждой заглядывал ей в глаза. Мире на секунду даже польстило – мужчина с внешностью киноактёра, обаятельный, статный, на которого оборачиваются девицы, приглашает её на ужин. Пусть и друг детства.

– Хорошо, – она кивнула. – Куда мы направимся?

– Есть один ресторан, где я время от времени люблю бывать, там прекрасная кухня, не то чтобы комфортно, а просто уютно и без пафоса, который, если честно, утомляет. Я бы с удовольствием тебя туда отвёз, – сказал Валера.

– Отвёз? – переспросила Мирослава. – Это далеко отсюда?

– Нет, на машине недалеко, – пояснил он, – у меня автомобиль в ближайшем переулке, подожди, пожалуйста, мы подъедем.

– Мы? – удивилась Мира. Но Валера не ответил, а быстро пересёк улицу и завернул в переулок. Через несколько минут к Мире подъехала белая иномарка. Из неё вышел Валера, но не со стороны водителя, а с заднего сиденья, и оставил открытой дверцу.

– О, прекраснейшая из дам, прошу пожаловать в мой скромный фаэтон, – сказал Валера, придерживая дверцу автомобиля. Помог Мире сесть, обошёл машину, сел рядом.

– Ты сам не водишь машину, Валера? – удивилась Мирослава, заметив водителя, поздоровалась с ним.

– Вожу, точнее, водил, – он сделал паузу, – просто мне удобнее иметь шофёра. Саша, в наш ресторан, пожалуйста, – дал указание и повернулся к Мире.

– Хорошо, Валерий Арсеньевич, – кивнул тот.

– Валерка, ты такой важный, – насмешливо произнесла Мира. – Автомобиль дорогой, свой водитель, ты птица высокого полёта?

– Даже не знаю, что тебе сказать про полёт, – он засмеялся, – мне, наверное, просто повезло – попал в струю, раскрутился. Получилось. Но главное даже не это.

– А что?

– Я люблю то, чем занимаюсь, – ответил уже серьёзно.

– Это прекрасно. Потому что в жизни далеко не всегда приносит доход то, чем ты любишь заниматься. Когда всё совпадает – тогда счастье, – заметила Мира.

– Если женщина красива и рассудительна одновременно, то это подарок природы, – Валера посмотрел на Миру как-то особенно. – А вот и ресторан, мы уже приехали. Саша, ты свободен, мы воспользуемся такси.

– Спасибо, Валерий Арсеньевич, – отозвался тот. – Хорошего вечера.

Глава 23

Всеволод въехал на территорию загородного дома матери одним из последних. Он понимал, что опаздывает, и мать будет сердиться, она ценила пунктуальность как ничто другое, но раньше приехать, никак не получалось. После работы пришлось заскочить домой, потому что подарок матери он оставил дома, хотя был уверен, что взял с собой. А потом Всеволод долго стоял в пробке, потому что дорога в их районе была забита транспортом.

Пока ехал, думал об Анне. Вчерашний разговор был не совсем приятным. То есть Аня-то как раз всё понимала и вела себя максимально умно и деликатно. Но Всеволод всё равно не чувствовал, что поступает правильно. С того момента, как они с Аней поженились, ни разу не возникала тема, касающаяся его матери, хотя Аня, конечно же, знала о ней. Об её отношении к браку Димы и Миры. И о дальнейшем непринятии и игнорировании невестки. Может, именно поэтому Всеволод всегда упорно молчал о своей матери? Чтобы уберечь от неё Анну? Мира несколько раз пыталась завести об этом разговор, но Анна Андреевна пресекала его на корню, лишь спрашивая: счастлива ли её дочь с Димой? Если да, то это самое главное. Остальное не имеет значения. Она никогда и ни на что не жаловалась, боль, как физическую, так и душевную терпела стоически. Лишь иногда кусая губы. Всеволоду приходилось порой прилагать усилия, чтобы понять – жене нездоровится. Эта женщина обладала поистине ангельским терпением.

– Ну, наконец-то! – воскликнул главный компаньон матери Илья Ильич, заведя Всеволода. – Мы уже и не надеялись лицезреть вас, молодой человек. Пунктуальность – основа организации. Организация – основа успеха, – процитировал он.

– Да? А я знаю другое изречение, – улыбнулся Всеволод. – Ивлин Во сказал, что пунктуальность – вежливость зануд.

– Вот, поди ж ты, молодёжь, ты им слово, они тебе в ответ пять, – Илья Ильич в шутилке возмущения покачал головой. – Между прочим, твоя мама весьма огорчена. На её дне рождения нет ни одного сына, – шепнул он. Всеволод, никак не прокомментировав сообщение компаньона матери, направился в сад, там звучала живая музыка, и находились гости. Столики были накрыты под фуршет.

– Всем добрый вечер, – громко поздоровался Всеволод, большинство гостей ему были знакомы – друзья и деловые партнёры матери. Однако были и те, кого он видел впервые. Особенно несколько особ женского пола, причём молодых. Странно, но раньше мама не жаловала девиц такой возрастной категории, считая их недалёкими и пустыми. Хотя Мишель ей нравилась, но там был чистый расчёт, который, кстати, ей Димка испортил. Постарался мальчик. Зато счастлив. – Мамочка, с днём рождения! Пусть сбываются все твои желания! – сказал Всеволод и вытащил из-за спины огромный букет цветов, из кармана бархатную коробочку с кулоном.

– Спасибо, сын, – она сдержанно улыбнулась, цветы отдала одному из официантов, который как раз проходил мимо, коробочку лишь приоткрыла. – Изысканно, ты умеешь выбирать. И знаешь мой вкус. Почему ты опоздал?

– Пробки, мамочка, на дорогах слишком много машин, – он развёл руками.

– Мог бы выехать пораньше, – ворчливо заметила она. – Впрочем, чему я удивляюсь? Спасибо, хотя бы приехал. Не то, что твой брат. Звонка от него я удостоилась лишь после обеда. Вот и всё внимание.

– Мапочка, мы тебя любим оба, – Всеволод снял с подноса бокал с шампанским. Подумал, что с одного бокала ничего страшного не случится, выветрится. – За твоё здоровье! – он сделал глоток. Отошёл в сторону, стал разглядывать гостей. Илья Ильич уже изрядно поднабрался и энергично приставал ко всем дамам, которые попадались на его пути. Его супруга попыталась урезонить, да куда там, бегущего бизона не остановить. Всеволод усмехнулся, отпил ещё глоток шампанского, а неплохо – напряжение несколько ослабло. Он даже проголодался, взял с крайнего столика что-то вроде канапе с рикоттой и хамоном, засунул в рот. Потянулся ещё за порцией.

– Так вот вы какой – Всеволод, – услышал мягкий женский голос рядом, повернул голову.

– Какой? – дожёвывая, спросил он. Равнодушно посмотрел на незнакомку. Раньше вполне можно было бы пофлиртовать с ней или посостязаться в остроумии, потешиться. А потом красиво ретироваться. Но теперь в этом не было нужды – сердце его занято. И оно сейчас не здесь, а там, в старой квартирке дальнего района Москвы – почти в области. Там, где пахло пирогами и свежесваренным чаем, таким, какой умела делать только его Аннушка. Где посередине комнаты стоял круглый стол, за которым когда-то его младший брат Димка потешно-торжественно сделал предложение Мире. А кучерявый Беня весело бегал по квартире, своими лапами пачкая им брюки. Маленькая кухня, где они с женой помещались лишь вдвоём, зато там тепло и уютно – среди множества цветных баночек, приправ и устоявшегося запаха ванили и корицы. Отреставрированная после пожара мебель, та, которую ещё можно было спасти, придав ей ретро-стиль. Сохранившиеся бархатные альбомы с фотографиями, с которых на тебя смотрели поразительно одухотворённо лица предков в старомодной одежде и с забавными причёсками. Ажурные вязаные салфетки и удивительно тонкой работы шаль, выполненная в стиле вала-сьенского кружева, которая обнимала узкие плечи Анюты, придавая её внешности что-то неведомое, неземное. Всеволоду нравилось прикасаться к этой шали, по рассказам супруги – это подарок от дальней родственницы из Санкт-Петербурга. Аня никогда не называла этот город Питер, всегда полностью произнося название, тем самым проявляя особое к нему уважение.

– Какой? Обаятельный, – она сделала глоток из бокала, который тоже держала в руке.

– Ага, два метра абсолютного обаяния. Даже сам рад такой перспективе, – продолжая жевать, выдал Всеволод. Он не намеревался соблюдать правила светского этикета.

– А вы меня не помните? – не обращая внимания на его слова, спросила девица.

– Гм, нет, не имел чести видеть раньше, – сказал он, теперь уже внимательно посмотрев на неё. Смазливая девочка лет двадцати двух-четырёх, тонкая, с длинными ногами, хорошо, что хотя бы губы не надуты.

– Меня зовут Ариадна, я младшая дочь Ильи Ильича, – представилась девица. – Когда-то по приглашению моего папы Фаина Витальевна привозила вас и вашего брата в наш загородный дом, правда, я тогда была маленькой, вы приезжали несколько раз, поэтому я запомнила.

– Ариадна? – переспросил Всеволод. Задумался. У компаньона матери и правда, было, кажется, две дочери. По крайней мере, одну он помнил лучше – эдакая бунтарка с очень короткой стрижкой, множеством колец в ушах. С густо подведёнными глазами. Она вечно фыркала и на попытки с ней пошутить, отвечала грубостью. А вторая? Ну да, вроде ещё была и вторая девочка – только очень маленькая. То есть, не совсем маленькая, лет пяти. Она играла в куклы, крутилась под ногами, но на неё особо никто не обращал внимания. Похоже, теперь эта девочка выросла и стоит тут перед ним.

– Всеволод, – внезапно рядом оказалась мама. – Ты уже познакомился с Радочкой? – спросила она, погладив девушку по плечу. – Хотя, знакомиться тут излишне, вы когда-то виделись и не один раз.

– Да, мне уже напомнили об этом, – с трудом скрывая досаду, ответил Всеволод.

– Вот и прекрасно, – Фаина Витальевна взяла сына под руку. – Проводи меня, пожалуйста, в дом, – сказала она. Повернулась к Ариадне, – мы ещё увидимся, детка, – та кивнула.

Глава 24

– Не нравится мне всё это, Надя, – Николай полулежал на диване, спина болела, но уже не так сильно. Он внимательно выслушал рассказ супруги и особенно то, что касалось разговора с Турчаниновым. Про Константина она упомянула вскользь, просто как мальчика, который её консультировал. – И тебе не надо было туда сегодня ездить, я уверен в том, что теперь ты у следователя на заметке. И он так просто не оставит тебя в покое. Вспомни события двухлетней давности, – он тяжело вздохнул. Прикрыл глаза.

– Если выяснится, что аграф принадлежал именно твоему отцу, – встала Надя, думая о чём-то своём.

– А как это выяснится? Ведь он опять украден, ты сама так сказала, – Николай стал тереть лоб от напряжения.

– Турчанинов пока об этом не знает и будет искать просто украденные драгоценности, нас же конкретно интересует нынешний владелец аграфа – некий господин Арлаускас, так, по крайней мере, было написано на табличке выставки. Вот на него и надо выходить, – сказала Надежда.

– Не забывай, что если аграф из коллекции моего отца, то Арлаускас – вор. Точнее, перекупщик краденого, причём ловкий, наверняка, у него есть убедительная легенда появления в его коллекции аграфа, – заметил Николай. – Ты отдаёшь себе в этом отчёт?

– Конечно, отдаю, поэтому хочу начать не напрямую с Арлаускаса.

– А с кого? – не понял Николай.

– У меня есть одна ниточка, попробую за неё потянуть, надеюсь – получится, – Надя посмотрела на часы.

– Надюш, что ты задумала? – встревожился Николай. – Не надо играть в Пинкертон, это может быть опасно.

– Успокойся, дорогой, ничего опасного в моей задумке нет, – Надя поправила мужу плед, поцеловала в щёку. – Между прочим, мы ещё не обедали. И вообще, не хочешь позвонить своему ребёнку? Сашка, наверняка, соскучилась.

Саша, действительно, соскучилась по родителям, хотя дел на даче деда было полно – так она выразилась. Она помогала Маше собирать вишню, затем они вместе варили компот.

...А ещё варенье, но для этого пришлось вынимать косточки из вишен, хотя дедулька сказал, что вишнёвое варенье с косточками вкуснее. Но Ванька ещё маленький, он может подавиться, поэтому пришлось их вынимать. Ох, и трудная эта работа – вынимать косточки. Дедулька сначала им помогал, но быстро устал и сказал, что качественно такую работу могут выполнять только женщины, за что он их ещё больше уважает. Их, то есть нас. Ванька хотел крикнуть, что он тоже уважает, но его рот был забит вишней, поэтому получился вишнёвый фонтан на всю кухню. Маша за это наказала Ваньку, шлёпнула его по попе. Он, конечно же, заревел и убежал на качели. Но скоро увидел на травинке божью коровку, сел на карточки и стал ей жаловаться. Божья коровка выслушала Ваньку и, наверное, поняла его. Потому что не убежала, а чуть-чуть посидела на травинке, которую он теребил. А дедулька увидел, что Ванька общается с божьей коровкой, и пообещал ему рассказать про неё.

Мне тоже стало интересно, я выглянула в окно. Дедулька посадил Ваньку на колени и стал рассказывать про божью коровку. В разных странах её называют по-разному, но больше всего мне понравилось – ледибёрд, это по-английски. А ещё мы вспомнили присказку «Божья коровка, полети на небо, принеси мне хлеба, чёрного и белого – только не горелого». Дедулька сказал, что это просьба к богине земли об урожае. И ни в коем случае нельзя убивать божьих коровок,

они приносят счастье. Ванька сказал, что всегда будет с ними дружить. Я потом искала в траве божью коровку, но пока не нашла. Я тоже хочу иметь счастье.

Надя вошла в кафе, Костя её уже ждал. Выглядел он взволнованным, опять то и дело, поправляя очки.

– Добрый вечер, Константин, – поздоровалась Надежда, села напротив. Хороший столик он занял – возле окна, ей нравилось сидеть именно напротив окон.

– Добрый вечер, Надежда, – ответил молодой человек и слегка покраснел. – Что вам заказать? Вы голодны? – тут же спросил он, придвигая ей меню.

– Капучино и тирамису, – быстро ответила она, – Костенька, спасибо, что вы согласились прийти, – тут же добавила и мягко улыбнулась.

– Я не мог не прийти, – смущённо сказал он и заказал официанту кофе с пирожным, а себе чай. – С вами очень приятно общаться, к тому же вы красивая женщина, – добавил уже тише.

– Весьма лестно слышать о себе такое, – Надя откинулась на спинку высокого стула, – у вас, наверняка, был тяжёлый день, – начала она издалека, – допрашивали? Неприятная вещь, как ни крути.

– Да, верно – закивал Костя, – нас допросили, но больше всего досталось Марку. С него взяли подписку о невыезде, следовательно дважды его допрашивал. Тот, кто украл экспонаты с выставки, знал, как отключать сигнализацию и павильона, и самих стендов, – стал рассказывать он, по ходу разговора налил себе принесённый официантом чай. – Поэтому Марк – первый на подозрении. Но, как уже говорил, я совершенно не верю в то, что он мог украсть. Я не вижу никакого мотива для этого и к тому же Марк – ну у него другой характер.

– Возможно, вы правы, – согласилась Надежда. – Хорошо бы и следователь так решил.

– Надежда, могу я задать вам один вопрос? – Костя поднял на неё глаза.

– Конечно, задавайте, Костенька, – она кивком поблагодарила официанта, который принёс кофе и пирожное.

– Я видел, как вы разговаривали со следователем, вы с ним знакомы? – он нервно прищурился.

– Ну что вы, конечно, нет! – Надя покачала головой. – Я впервые видела этого человека.

– Но он сам подошёл к вам, – молодой человек отвёл взгляд, затем стал тереть ладони друг о друга.

– Да, подошёл и спросил, имею ли я какое-либо отношение к выставке. Дело в том, что он видел, как мы с вами разговаривали и решил, что я тоже работала в павильоне. Вот и всё.

– И всё? – он поднял на Надежду глаза.

– Безусловно. А что же ещё? – она отпила кофе и попробовала пирожное. – Костенька, мне очень приятно быть с вами, не только потому, что здесь прекрасная кухня, но и потому что вы такой симпатичный собеседник, – она спрятала улыбку, заметив его смущённый румянец, – все ваши познания об украшениях выставки мне пригодятся, осталось лишь уточнить некоторые детали, а кстати, вы дозвонились до Глеба?

– К сожалению, нет, но Милена Давыдовна – куратор выставки сказала, что у его дедушки ночью случился сердечный приступ и Глеб вынужден был уехать в Тверь, – сообщил Константин. – Я ещё раз попытался позвонить Глебу, но теперь его номер недоступен.

Глава 25

– Я-то думаю, куда пропала моя жена, – усмехнулся Вадим после того, как обнаружил читающую Викторию в гамаке. Сразу после ужина она попросила Вадима побыть с дочерью, сама же, помыв посуду, куда-то исчезла. Оказалось, что Вика взялась читать письма родителей мужа.

– Я не могу оторваться, Вадимыч, это не просто интересно, это живое, настоящее, – призналась она, сняла очки, стала сосать дужку. Зорин сел рядом, отчего гамак резко закачался.

– Теперь ты меня понимаешь, – Вадим придвинулся чуть ближе, положил себе на колени ноги жены и стал массировать ей ступни. – Пусть в этих письмах нет литературных высказываний, каких-то особых письменных оборотов, нет глубокой философии, ведь мои родители не были выдающимися литераторами. Зато есть целая палитра чувств – начиная от скромных признаний в том, как им в первый же день знакомства было здорово гулять по Питеру. Как весело они провели время. Как не хотелось уезжать – расставаться.

Подумай, ведь тогда между ними ничего ещё не было, и едва ли они могли помыслить о том, что спустя какое-то время поженятся. А потом у них появлюсь я. Но всё это намного позже. А сначала... мама первой начала писать эти удивительно душевные письма. Проникновенные девичьими восторгami, непосредственностью, в чём-то грёзами, а потом и даже ревностью. Сначала нескладные ответные письма отца теперь мне кажутся полными очарования – своей искренностью, своим маленькими драмами и победами. Будь то простуда, из-за которой он потерял голос и кое-как сдал экзамен, потому что профессор ему просто не поверил, или выигрыш в лыжных гонках, правда, после того, как он пересёк линию финиша, внезапно распластался и не мог встать. Из-за этого на него повалились остальные участники гонки, образовав кучу людей-лыж-палок. Тогда даже судья соревнований хохотал до слёз. Это была их молодость, их жизнь. Однако которая так тесно связана со мной, что мне кажется – я всё это видел своими глазами. Видел, слышал, чувствовал – когда читал их письма.

– Вадюш, я подумала о том, что и мне надо спросить своих родителей, по крайней мере, маму, отец в вечных разъездах, а были ли у них подобные письма? – задумчиво сказала Виктория. – Насколько я знаю, мама в юности тяготела к литературе и превосходно писала сочинения. А может быть, и у неё сохранились какие-то письма или записки? Завтра же позвоню ей и спрошу об этом, – она внимательно посмотрела на мужа, – Зорин, твой массаж мне очень нравится, продолжай.

– Хорошо, – он стал массировать ей пальчики.

– Сколько всего уходит просто в забвение, ведь у каждого человека есть что вспомнить, – продолжила рассуждать она, – и ты прав, именно письма позволяют хотя бы часть событий и историй сохранить для потомков.

– Письма и дневники, – добавил Вадим. – А кстати, ты никогда не вела дневник?

– Нет, даже не пыталась и сейчас об этом жалею. Хотя, что могло быть такого интересного в моей жизни, о чём стоило бы рассказать той же Ваське? – Вика надела очки.

– Ну, хотя бы о том, как мы познакомились с тобой, – с улыбкой сказал Вадим. – Ты бы сохранила записи в своём девичьем дневнике, которые бы потом прочла Василиса. Про Купальскую ночь, как её праздновали здесь в Беяниново. Как мы ещё раз встретились в Питере.

– Боюсь, что мои записи были бы не особо интересными, а вот у Нади. Она-то как раз умеет описать все свои впечатления, чувства, недаром роман написала.

– Роман и дневник – всё-таки разные понятия. А твои записи сохранили бы именно твоё видение, твоё отношение, твои эмоции, – заметил Вадим.

– Может, ты и прав, – согласилась она, положила ногу на ногу, Вадим продолжал делать ей массаж. – Наши поколения хранят информацию в сообщениях, которые мы потом просто удаляем – чистим телефон.

– Верно, – кивнул Вадим, – электронные чувства.

– А давай друг другу оставлять записки? – предложила Вика, от удовольствия подвигала пальчиками. – Не в телефоне, а простые – бумажные? По всякому поводу, пусть и по мелочам. А потом не выбрасывать, а сохранять их. Представляешь, спустя годы мы найдём их, к примеру, на чердаке, будем перечитывать и наслаждаться.

– М-м-м, а я хочу наслаждаться уже сейчас, – томно произнёс Вадим, прикоснулся губами к щиколоткам жены. – Тобой.

– Зорин, ты с ума сошёл, – хихикнула Вика. – Прямо здесь, в гамаке?

– Ну а что? – он продолжал целовать её теперь уже колени. – Васька спит в доме, я её уложил и сказку прочёл. А на улице никого. И вечер такой уютный, а ты такая обольстительная, желанная. Особенно, когда умничаешь, – он улыбнулся.

– Зорин, я сейчас тебя выгоню из гамака, – пригрозила Виктория.

– Лучше поцелуй, – он приблизился к её губам и в следующую секунду так впился в них, что у Вики перехватило дыхание. Необузданность Зорина всегда ей нравилась. Они необычайно подходили друг другу, обжигая и приводя в неистовство.

Вадим проснулся от крика петуха. Соседи рядом буквально на днях завели кочета, и теперь этот крикун оповещал всю округу о том, что стыдно валяться в кровати – пора вставать и приниматься за дело. Сегодня Вадим планировал съездить в магазин, причём областной, в деревенском магазине ассортимент продуктов был скуден. Зорин перевернулся на бок, одним глазом посмотрел на часы. Рано вообще-то и именно сейчас сон такой сладкий. Он зевнул и провалился в дрему, но ненадолго, опять загорланил петух, да так громко, будто был где-то уже на их участке. Вика спала – даже не пошевелинулась. Они вчера в гамаке только целовались, потому что всё остальное оказалось крайне неудобным. После пыхтения и барахтанья, вдруг стали хохотать оба как ненормальные. В итоге, когда вбежали в дом, ринулись на кухню – утолять жажду. Вадим пил прямо из кувшина, Вика налила себе воду из чайника. Потом она проверила – спит ли Василиса. Вадим увидел на телефоне несколько сообщений и принялся на них отвечать. В итоге, когда он пришёл в спальню, жена уже уснула.

Петух прокричал в третий раз, Вадим незлобно выругался и поднялся с кровати. Через полчаса дом наполнился дразнящим кофейным ароматом. Затем следовало приготовить завтрак. Для этого Вадим нагрел сковороду и положил на неё тонко нарезанные кусочки копчёной грудинки, стал обжаривать её со всех сторон до появления хрустящей корочки. Пока бекон жарился, Вадим очистил от шелухи маленькую головку репчатого лука, тонко его нарезал и добавил к грудинке, перемешал, подождал, пока лук станет карамельно-золотистым. Затем отодвинул кусочки грудинки, чтобы в центр сковороды вбить пять яиц так, чтобы желток оставался целым, поперчил, посолил. Как только яичница энергично зашипела, Вадим закрыл сковороду крышкой и уменьшил огонь. Когда белок поджарился и затвердел, а желток оставался чуть-чуть жидким, снял сковороду с плиты. Тем временем решил, что к яичнице, пожалуй, неплохо бы приготовить овощи.

Пупырчатые огурцы нарезал тонкими продольными полосками, маленькие плотные помидоры дольками, к ним пучок курчавой петрушки, несколько листочков базилика сорта «лимончик», тонкий пучок рукколы, всё это положил на большие листья кочанного латука. Подумал и поставил на стол маленькую бутылочку подсолнечного масла – того, самого, что купил по случаю в деревенском магазине. Открыл её, понюхал – этот запах напоминал ему ту пору, когда он бывал в доме у лучшего Питерского друга Ильюшки. Его нянюшка Осиповна каждый год ну просто волшебным образом квасила капусту, добавляя в неё много-много морковки, клюкву и тмин, а ещё какие-то свои заговорные словечки. Вадим был в этом уверен, потому что вкуснее той капусты он больше никогда и нигде не ел. Осиповна подавала капусту на стол в деревянной расписной посудине, перед этим обильно полив её густым подсолнечным маслом, которое капельку горчило и пахло семечками. Кудесница Дарья Осиповна умерла ровно спустя год, после того, как Вадим и Вика поженились. Об этом им сообщил Илья. Причём уже после похорон. Вадим тогда расстроился вдвойне – известию о смерти нянюшки и что не смог быть на погребении. Но память о ней осталась – светлая и добрая. А теперь и душистое масло напомнило о Дарье Осиповне.

Глава 26

Они остановились перед симпатичным двухэтажным особняком теперь уже на пешеходной улице, из окон которого открывался вид на ЦУМ.

– Нам на второй этаж, – уточнил Валера, – вывеска «Мистер Тин». Надеюсь, ты ничего не имеешь против азиатской кухни?

– Абсолютно ничего, – Мира стала подниматься. Вошла в зал, огляделась: зал ресторана был оформлен со сдержанным шиком. При общей утончённой элегантности внимание к себе приковывали азиатские раритеты: антикварные вазы, массивные люстры, а в центре зала – деревянная пагода, помещённая в стеклянный куб.

– Прошу сюда, – Валера отодвинул изящный деревянный стул возле одного из прямоугольных столиков у стены, когда Мира устроилась за ним, то в её поле зрения попал чёрный глиняный дракон, тело которого в виде большой ладьи было доверху наполнено мандаринами. Плоские тарелки на столах были тоже чёрного цвета. Рядом с ними набор палочек и обычные приборы – на выбор.

– Что бы ты пожелала на ужин? – спросил Валера, протягивая ей меню.

– Ты, наверное, удивишься, но я слабый знаток этой кухни, – сказала Мира, пролистывая меню. – Давай на твой вкус, а? – она подняла на него глаза.

– Хорошо, попытаюсь тебе угодить, – мягко улыбнулся Валера, кивнул на приветствие подошедшего официанта и назвавшего его по имени.

Валера заказал щедро, от души. Мире удалось попробовать сашими из дорадо с соусом «понзу» и трюфелем, салат из битых огурцов с кинзой и кешью, чилийский сибас, маринованный в мисо соусе. От роллов с крабом и тунцом она отказалась, так как Валера по ходу дегустации решил всё-таки еще заказать ту самую знаменитую утку по-пекински, Мире пришлось и её отведать, разве удержишься? Она откинулась на спинку стула, выдохнула.

– Тебе никогда не говорили, что ты аппетитно ешь? – спросил Валера, наблюдая за своей спутницей.

– Говорили, и в этом моя беда, – с чуть заметной досадой ответила Мира.

– Почему же? – удивился Валера.

– Потому что я не просто аппетитно ем, а ещё и люблю поесть. Но от этого не худеют, увы, – призналась она.

– А зачем тебе худеть? – задал вопрос Валера совершенно серьёзно.

– Ты смеёшься? – Мира посмотрела на него – шутит или нет.

– Не имею такой привычки, особенно, что касается женщин. Ты же прекрасна во всём, – он отодвинул пустую тарелку в сторону.

– Спасибо, конечно, за комплимент.

– Это не комплимент, это истина, – Валера пожал плечами. – Должен признаться, что всегда так думал.

– Ой, так уж и всегда, – засмеялась Мира, – помнится, во дворе вас с Ленкой Лебедевой называли жених-невеста. Вы же были неразлучны. Мы так и думали, что вы, когда вырастите, поженитесь. Знаешь, как остальные девчонки тебя ревновали?

– И ты тоже? – он спрятал улыбку.

– Ну, уж нет, я никогда не примыкала к толпе, впрочем, и сейчас тоже не иду за всеми. Я сама по себе. Хотя мне с тобой было интересно. Ты же всегда был первым в играх, самым активным, смелым. Помнишь, прятки на школьном дворе?

– Конечно, помню. Хорошо, что там было много кустов и деревьев. А помнишь, как мы играли в казаков-разбойников? Правил никто толком не знал, отец попытался рассказать, но нам было некогда вникать и мы стали играть по-своему. В результате раскричались, рассорились все, – усмехнулся Валера.

– Помню, было такое. А нам – девочкам очень хотелось научиться играть в резиночку. Мы, пожалуй, были уже последними, кто играл в неё. Нас научили старшие девочки. А вы – мальчишки нам мешали, помнишь? Ты же был одним из первых, кто лез в натянутую нами резинку. Девчонки выгоняли, возмущались, а самим нравилось внимание мальчишек.

– А меня каждый раз удивляло, как вы можете так высоко прыгать в этой резиночке! Хоть на уши натяни – вы всё равно умудрялись прыгать и ещё в разных позициях, – не скрывая восхищения, сказал Валера.

– Я сейчас сама удивляюсь, – подтвердила Мира, – а потом пошла мода на сериалы, они только-только появились и мы играли в «Просто Марию», «Богатые тоже плачут». Я мнила себя дизайнером одежды, вырезала из бумаги платья и страшно гордилась собой.

– Да, верно, было. А ещё я помню, что мы с Петькой Самойловым и Сашкой Разуваевым решили украсть ваши тетрадки с анкетами. Песенники нас не интересовали, а вот анкеты – да. Там же можно было узнать, кто в кого влюблён.

– Да ты что? И удалось украсть? – удивилась Мира.

– Нет, к сожалению, вы их охраняли как зеницу ока. Что-то я не помню, у тебя была такая анкета? – Валера повернулся к официанту за соседним столиком и дал ему знак убирать со стола.

– Была, – хитро улыбнулась Мира, – только я её никогда не выносила во двор. Эту тайну я хранила крепко.

– Понятно, – кивнул Валера, – в детстве было самое замечательное – тайны и приключения.

– Помню-помню, как вы с ребятами играли в пиратов, но нас никогда не брали именно в эту игру, утверждая, что девочкам на корабле нет места, – сказала Мира. – А нам ужасно нравилось находить спрятанные вами «сокровища-секретики» – фантики, вкладыши от жевательной резинки, цветные крышки.

– Да, их по всему двору было немало. А кораблём нам служила большая скамейка за песочницей. Именно на ней мы уплывали от морских чудовищ, пели пиратские песни, попадали в шторм. Ох, до чего же были классные времена, – Валера откинулся на спинку стула. – Мира, благодаря нашей такой неожиданной встрече, я вдруг, пусть на несколько минут, но ощутил себя тем мальчишкой Валеркой. Спасибо тебе, дорогая, – он дотронулся до кисти её руки. Мира смущённо улыбнулась и отодвинула руку.

– А помнишь, как мы уже поздним вечером играли в прятки, а ты зачем-то залез на дерево? – чтобы как-то сгладить возникшую неловкую ситуацию, сказала Мира. – А сам упал с него и сломал ногу.

– Помню, – помрачнел Валера. – Я закричал от боли, не смог утерпеть. Мне было и больно, и стыдно. После этого случая моё геройство пошло на спад. Я лежал в больнице, потом долгий курс реабилитации, потому что перелом был сложный. И мне казалось, что все девочки разочаровались во мне.

– Ну, я бы так не сказала, они жалели тебя, всё время спрашивали у Лены, как ты – поправляешься ли. Даже собирались пойти в больницу, но поскольку ты лежал слишком далеко от нашего района, никто из родителей нас не пустил. Ну а потом, когда ты вернулся, вскоре твои родители решились на переезд. И больше не было во дворе самого смелого, самого обаятельного и самого кудрявого мальчишки, – Мира развела руками.

Глава 27

– Всеволод, у меня к тебе просьба, я надеюсь, ты не откажешь, тем более в мой день рождения, – Фаина Витальевна села в кресло, положила ногу на ногу и посмотрела на сына так, что впору начать волноваться. Всеволод подошёл к окну, чуть отодвинул штору и краем глаза стал наблюдать за происходящим снаружи. Там возле кустарника роскошной дейции супруга

Ильи Ильича явно его отчитывала. Судя по всему, изрядное количество принятого на грудь спиртного сделало из него героя, что крайне не нравилось его жене.

– Мама, у меня ощущение – ты сейчас попросишь что-то невероятное, – Всеволод повернулся к ней лицом. – Преамбула настораживает.

– Не преувеличивай, это всего лишь просьба, – она покачала мыском туфли. – Мне надо, чтобы ты взял в свою компанию одного человека, – произнесла это почти по слогам.

– Если это надо тебе, то и возьми человека в свою компанию, – иронично заметил Всеволод.

– Видишь ли, она долгое время жила и училась за границей, – пояснила Фаина Витальевна. – А теперь вернулась в Россию и хочет жить и работать именно здесь. Ей подходит то, чем ты занимаешься, сфера твоей деятельности.

– Ага, значит уже она, – уточнил Всеволод, подошёл к креслу напротив, – разреши, я сяду? – спросил у матери. Та кивнула. – И ей подходит именно моя сфера? – он потёр подбородок.

– Да, она обучалась этому, и то, чем занимается твоя компания, ей гораздо ближе, – пояснила Фаина Витальевна.

– Но мне не нужны сотрудники, у меня укомплектован штат, – возразил он.

– Вот поэтому я и обращаюсь к тебе, это моя личная просьба, Всеволод, – она выпрямилась в кресле. Поза стала напряжённой.

– Мам, ты знаешь мои принципы: сотрудники по блату – лишний груз в компании и балласт в деле. Чаще всего они не умеют либо не хотят работать, – выдал он.

– Но эта девочка не будет балластом, я тебе обещаю.

– Девочка? – переспросил Всеволод.

– Девушка, которая с отличием окончила университет. Трудолюбивая, любознательная, не пустышка, ты ещё спасибо скажешь, – Фаина Витальевна выразительно приподняла брови.

– Ну, уж это вряд ли, – с сомнением в голосе сказал Всеволод. – Окончила университет? Так сколько же ей?

– Двадцать шесть, – ответила Фаина Витальевна. – Правильно воспитана, заинтересована в том, чтобы развиваться и идти дальше, – она на последнем сделала акцент. – Сева, ты не можешь мне отказать.

– Ма-а-ма, – он закрыл ладонями лицо, – ну зачем мне твоя девушка? Наверняка, у неё планы выйти замуж, а не делать карьеру. Да и вообще...

– Всеволод, я же не прошу о руководящей должности, пусть она будет рядовым маркетологом. Возьми её на испытания, посмотри, как она будет справляться. Я уверена, что ты по достоинству оценишь Радочку.

– Радочку? – удивился он.

– Ариадну, дочь Ильи Ильича, – пояснила Фаина Витальевна. – Да, та самая девочка, что подходила к тебе. Она очень способная, поверь мне. Я редко тебя о чём прошу, сын.

– Ну, хорошо, – вздохнул он, – пусть завтра приезжает в офис, посмотрим, кого ты решила мне сосватать. А теперь извини, я, правда, очень устал, поеду домой, – поднялся с кресла.

– Поезжай, безусловно, – быстро согласилась Фаина Витальевна, с трудом сдерживая радость – сын дал своё согласие. А значит, получится и всё остальное. А что касается – сосватать, он попал в точку. Только ему об этом знать не надо.

Всеволод попрощался с матерью и вышел из дома через чёрный вход, не было никакого желания обращать на себя внимание гостей при уходе. Едва ли кто и заметит.

– Вы уже уезжаете? – возле ворот стояла та самая Радочка.

– Да, пора, – Всеволод задержал на ней взгляд дольше, чем в прошлый раз. Хорошенькая, но не более. Выглядит несколько моложе того возраста, что назвала мать. Но это, скорее, из-

за худобы. Он попытался вспомнить её лицо, когда она была ребёнком, но не смог. Просто маленькая девочка, которая всё время путалась под ногами.

– Жаль, вас здесь все ждали, – сказала девушка.

– Все? – усмехнулся Всеволод. Она не ответила, а смутилась. – Послушайте, как вас там, – он сделал паузу.

– Ариадна, – подсказала она.

– Ну да, путеводная нить Ариадны, моя мама уговорила взять вас в компанию, которой я руковожу.

– Большое спасибо! – радостно воскликнула она.

– Не стал бы на вашем месте так радоваться, – пресёк ее эмоции Всеволод. – Вы будете работать на общих основаниях, мне всё равно, чья вы дочь и чья протеже. Меня лишь интересуют ваши знания, навыки и трудолюбие.

– Обещаю, что вы не пожалеете, – она вся засветилась.

– Посмотрим, – скептически произнёс Всеволод и направился к своей машине. На слова прощания махнул рукой и даже не обернулся.

Он сел в машину, задумался. Мать, пожалуй, впервые так активно навязывала ему кого-либо на работу. Что же она задумала? Зачем ей дочь компаньона в бизнесе старшего сына? Понять бы, какой у неё умысел? Надо внимательней следить за новенькой.

Он завёл автомобиль, выехал на шоссе. Пока ехал, позвонил Димка. Всеволод сообщил ему, что уже едет из загородного дома матери, всё прошло как нельзя скучнее, Илья Ильич опять напился и чудил, гостей много – в основном занудство и снобизм. Сбежать надо было раньше. Обиделась ли мать на Димку? В общем-то, да, но это не в первый и не последний раз.

– Сева, всё хорошо? – Анна ждала его в коридоре, прислонившись к дверному косяку. Хрупкая, небольшого росточка, закутанная в ту самую кружевную шаль.

– Анечка, нет там ничего хорошего, – он подошёл к жене и крепко обнял её. – Я чувствую себя предателем, – сказал тихо, едва слышно.

– Почему? – она подняла на него глаза – тёмно-синие, выразительные.

– Димка не поехал без Миры, а я поехал, – сказал он, отвернув лицо.

– Ты же поехал к своей матери, – напомнила Анна. – Не сокрушайся, родной, ты всё правильно сделал, – она провела рукой по его щеке. – Колется, у тебя быстро растёт щетина, – улыбнулась.

– Ты всегда и всех оправдываешь, моя ангельская душа.

Глава 28

– Костя, вы угостили меня невероятно вкусным кофе, – сказала Надежда, оставив чашку в сторону. – И вечер у нас с вами чудесный, жаль лишь, что на фоне несколько неприятных обстоятельств. Но, увы, жизнь – непредсказуема. И кто бы мог подумать, что покусятся на экспонаты вашей выставки. Ведь такого никогда не было?

– Нет, никогда, – ответил молодой человек, вздохнул.

– А как долго вы работаете в этой сфере?

– Вот уже четыре года, и через меня прошло множество выставок, на какие-то меня зовёт Марк, на какие-то сама куратор Милена Давыдовна. Она прекрасный историк.

– Про Марка я знаю уже много, а вот про Глеба ничего, – Надя улыбнулась, – ну кроме того, что он – большой знаток аграфов и что заболел его дедушка в Твери. Дай-то Бог, чтобы там было всё хорошо.

– Глеба я мало знаю, точнее, познакомился с ним именно на этой выставке. Его привёл Марк. В Москве Глеб снимает жильё. А сам, кажется... – он задумался. – Так он сам и есть из Твери. Нас нельзя назвать друзьями, коллеги, не более. Глеб, как мне кажется, другого поля ягода. Он при всей его внешней ребячливости, некоторой лёгкости, на самом деле, другой.

– Другой? – удивилась Надя. – То есть?

– Ну как вам сказать, – Костя задумался, – бывают люди с двойным дном, что ли. Говорят одно, думают другое. Глеб хочется казаться простым, но он далеко не прост.

– Даже так, – протянула Надя. – Любопытно, даже очень. А он совсем ничего не рассказывал вам о владельце аграфа? Кто этот господин Арлаускас? Где он живёт?

– Нет, ничего. Я не проявлял особый интерес, а Марк меня просто поставил в известность, что на стенде будет ещё один экспонат. И им занимается Глеб.

– Значит, сам Марк был в курсе подробностей, касающихся аграфа и его владельца? Такое возможно? – задала вопрос Надежда.

– Да, естественно, Марк в курсе, он же старший. Поэтому к нему у следователя и столько вопросов. Тем более что вчера он уходил последним из павильона. Хотя, я слышал и другую версию, – Костя поправил очки, кашлянул.

– Какую же? – Надя даже заёрзала на стуле.

– Последней из павильона уходила Милена Давыдовна, и именно она включила сигнализацию. Но Марк, как настоящий джентльмен, её прикрывает.

– Откуда это известно? – удивилась Надя.

– Кое-кто из ребят видел Марка на стоянке автомобиля, он ждал. А потом к нему подошла куратор. Он часто подвозит её. Из этого сделали вывод, что Милена Давыдовна чуть позже покинула выставку.

– Вы об этом рассказывали следователю? – спросила Надежда, глядя ему в глаза.

– Нет, я сам не видел ни Марка, ни Милену Давыдовну, а с чужих слов давать такого рода показания я просто не имею права, – Костя поднялся из-за стола, – вы простите меня, Надежда, я отойду, – смутился, – ненадолго.

– Конечно, Костенька, – кивнула Надя, проводила взглядом его фигуру, и как только он скрылся из виду, взяла в руки телефон Кости. Хорошо, что он не стоял на блокировке. Надежда открыла последние набранные номера и довольно быстро нашла номер Глеба. Да, Костя, действительно, несколько раз набирал его номер, причём и утром, и после обеда. Надя написала на салфетке номер телефона Глеба и спрятала её в сумочку. Когда Константин вернулся, она уже подкрашивала губы.

– Могу я думать, что наша встреча не была последней? – с надеждой в голосе спросил молодой человек.

– Можете, – озорно ответила Надя, – буду рада увидеть вас вновь, – поднялась с места. – Вы на машине?

– Нет, – он мотнул головой.

– В таком случае я просто обязана вас подвезти, – Надежда направилась к выходу, обернулась, – дорогой мой, поторопитесь, не изображайте из себя соляной столб.

Они доехали довольно быстро, хотя Костя жил далеко от центра города. Всю дорогу он с молчаливым восхищением взирал на Надю и отвечал на её вопросы невпопад. Он не мог себе и представить, что такая женщина пригласит его в кафе, а потом отвезёт домой на своём автомобиле. Она была и красива, и умна. А ещё так мило с ним разговаривала. И его совершенно не волновало, что она старше. Разве в этом дело?

– Я не буду парковаться во дворе, хорошо? – спросила Надя, останавливая автомобиль возле дома, адрес которого называл Константин.

– Да-да, конечно, – он неожиданно поцеловал ей руку, – я благодарен вам за всё, – сказал, зачем-то снял очки, затем надел их и попытался выйти из машины, забыв отстегнуть ремень безопасности.

– Костя, – засмеялась Надежда, – вы сейчас унесёте ремень вместе с собой.

– Простите, ради Бога, – он засуетился и стал искать замок. Никак не мог найти. Надежда сама отстегнула молодого человека и опять засмеялась – не зло, ей было просто весело. – До

свидания, – он выскочил из машины. Но домой не пошёл, а смотрел вслед уезжающему автомобилю до тех, пор, пока тот не исчез из поля зрения.

– Ну и что ты об этом думаешь? – спросила Надежда у мужа после того, как рассказала ему всё, что узнала от Кости. Некоторые подробности, касающиеся его комплиментов и восторга, она, конечно же, опустила. Николай стал тереть подбородок.

– Чем дальше в лес, тем больше интерес, – отозвался он. Поднялся с места, поставил чайник. Жена от ужина отказалась, зато попросила заварить чай. – Этот как его, Костя? Похоже, он в тебя влюблён, – обронил на ходу Николай, открыл холодильник, нашёл половинку лимона, стал его резать.

– С чего ты взял? – искренне удивилась Надя, наблюдая, как муж нарезает лимон. Он быстро прокрутила в голове всё, что ему рассказывала – ничего такого, из чего можно сделать вывод о влюблённости Кости. Фертовский обернулся, испытующе посмотрел на супругу.

– Ну, я бы на его месте точно в тебя влюбился, – выложил нарезанный лимон на красивое прямоугольное блюдо, поставил на стол. Садясь напротив, едва заметно поморщился – спину всё ещё немного прихватывало.

– Ты на своём месте это успешно сделал, – не сдержала улыбки Надежда. Поднялась, подошла и обняла мужа за шею. – С тобой никто не выдержит конкуренции. Николенька, ты безупречен.

– Да ладно уж, – его щёки под густой щетиной порозовели. – Скажешь тоже. И у меня есть недостатки.

– Ну, если только совсем чуть-чуть, – засмеялась Надя, вернулась на своё место.

– Насмешница, – он покачал головой. – Так что мы будем делать с коварно украденным тобой номером телефона исчезнувшего Глеба? Не сомневаюсь, что ты пробовала уже звонить. И ответа не получила.

– Угадал, – Надя погрузилась в раздумья.

– Давай вот что сделаем: у меня есть знакомый, который может пробить адрес по номеру телефона, я попрошу его, – предложил Николай. – Кто знает, может, у нас получится найти этого Глеба. Как его фамилия?

Глава 29

– Вадик, какие у тебя тут сумасшедшие запахи, – Вика стояла в дверях кухни. Она проснулась от ароматов, которыми наполнился дом, по крайней мере, весь первый этаж точно. – Что это? Яичница? Салат? – она схватила со стола огурчик.

– Доброе утро, Вика, – сказал Вадим, поставил на стол солонку с крупной солью. Он любил именно такую соль. – Ты будешь со мной завтракать?

– Буду, – Вика уселась на стол, взяла в руки подсушенный в тостере хлеб.

– А умыться? А зубы почистить? Живо в ванную, – скомандовал Вадим. Вика сделала большими глаза и умчалась умываться.

– У тебя яичница из пяти яиц, неужели ты думал, что слопаешь их один? – крикнула, пока умывалась. Высунулась из-за двери.

– Нет, конечно, я был уверен, что ты проснёшься, – ответил Вадим, сел за стол. Дождался Викторию, разрезал яичницу пополам, положил жене первой.

– Привет, родной, – она поцеловала его в щёку, села напротив. – Приятного аппетита! Как красиво ты умеешь сервировать стол, про кулинарные способности я уже молчу.

– А ты не молчи, восхищайся, подбадривай мужа, – Вадим положил ей в тарелку салат.

– М-м-м, с душистым маслом? Обожаю! – воскликнула Виктория. – Так ты всё-таки собрался в город?

– Да, съезжу сегодня, – жуя, ответил Вадим. – Ты просмотри список, который я составил, если что – дополни.

– Есть, мой генерал! – Вика выловила из его тарелки кусок грудинки и отправила её себе в рот.

Через час Вадим уже выезжал за ворота, посигналил своему семейству и скрылся из вида. Вика покормила Василису, одела её и решила сходить к Марье Ивановне.

– Я вас уж заждалась, мои красавицы, – завидев Викторию с дочкой, крикнула Марья Ивановна, она стояла между грядками и рвала зонтики укропа для засолки.

– Добрый день, Марья Ивановна, мы, как и обещали, пришли вам помогать, – Виктория открыла калитку, ввела Василису. Завидев Марью Ивановну, Вася обрадовалась и потянула к ней руки.

– Моя девочка, – засмеялась Марья Ивановна, заторопилась в дом и принесла большую деревянную ложку, ту самую, которой Василиса стучала в прошлый раз. – Давайте сначала чай попьем, а потом и поможете мне в огороде? – предложила хозяйка дома.

– Ну, уж нет, – возразила Вика, – чай надо заслужить, сначала огород. Мы пришли помогать.

– Хорошо, – Марья Ивановна оглядела Викторию – наряд не очень подходящий для грядок. – Только тебе бы переодеться, Вика, мне жалко твои шорты и маечку.

– Да вроде я и так надела что проще, – она пожала плечами.

– Понятно, гардероб модницы, – закивала Марья Ивановна. – Тогда на голову косынку, тут уж не спорь, а на ноги галошки вон те самые маленькие, они будут тебе как раз. Василиса и та в панамке, ей не напечёт. И сандалики у неё закрытые. Ой, похоже, Вася лучше подготовилась к сельхозработам. Закрою-ка я калитку покрепче, чтобы пока мы будем работать, девочка не вышла на дорогу. А вообще, во дворе и Васе найдётся занятие – за домом есть песочница, а ещё два кота – Кыш и Петька. – Будто услышав слова хозяйки, из-за угла появился один из упомянутых котов – огромный рыжий с пушистым хвостом. Он важно прошествовал мимо гостей и направился к цветущим пионам.

– Кыся, – восторженно закричала Василиса и пошлёпала за котом.

Виктория завязала косынку наподобие банданы, надела галоши, хлопковые перчатки, осмотрела себя – ничего так крестьянка. Чтобы очки не спадали, подняла их на лоб.

– Ну, хороша, – улыбнулась Марья Ивановна, показала на угол огорода, – почистишь мне этот участок от сорняка? Всё никак руки не доходят. Только сначала соберём клубники и поедим её, а потом уж за менее приятную работу, договорились?

– Ещё бы, конечно, договорились, – Вика показала вверх большой палец.

Клубники хотя было не очень много, зато крупная – ягодка к ягодке. Вике нравилось, раздвигая густые зелёные листья, находить их. Марья Ивановна ещё попросила подрезать усы клубнике – они уже перебрались в проход между грядками, кое-где переплелись между собой, будто соединяя кусты нитками-руками.

Вика ловко срезала их ножницами и складывала в ведро. За это время Василиса раз пять проносилась мимо, занятая исключительно рыжим котом, которому, по всей видимости, доставляло удовольствие подпускать к себе поближе новую знакомую, а потом убегать от неё. Кот задорно махал хвостом-метёлкой и, казалось, улыбался в усы.

Марья Ивановна, которая подготавливала всё для засолки огурцов, периодически выглядывала во двор и просила Василису не бегать так быстро – можно упасть. Наконец, кот утомился дразнить девочку, ещё раз посмотрел на неё хитрыми зелёными глазами, выразительно дёрнул хвостом и, перемахнув через забор, исчез в кустах соседнего участка. Василиса решила заплакать, но Вика подхватила её на руки и закружила, а потом усадила на маленькую деревян-

ную табуретку и стала кормить клубникой. Василиса, съев пару ягод из рук матери, остальные захотела брать сама из миски. Буквально через пять минут вымазала клубникой и рот, и руки.

– Вкусно? – спросила Вика.

– Куся, – ответила девочка.

– Пойдём, я тебя умою, чумазый ребёнок, – Вика взяла дочь за руку и подвела к рукомойнику во дворе. – Вот теперь уже стала похожа на красивую девочку, – сказала она, умыв ребёнка.

Марья Ивановна со ступенек крыльца наблюдала за своими забавными гостями. С утра ей нездоровилось, потом решила, что делами всё равно надо заниматься – через силу. Собранные с грядок огурцы ещё со вчерашнего дня лежали в баке – хоть бы малосольных сделать. Внуки приедут – всё сметут. Да и дочь любит, как мать солит огурцы. Хорошо, что появилась Вика – помощница.

– Вика, за домом есть песочница, Васе будет интересно, – сказала Марья Ивановна, – там лопатка и цветные формочки. Если что, мне её видно из терраски – я посижу. А ты бы отдохнула в доме или в гамаке, – предложила она, поправляя передник.

– Некогда отдыхать, Марья Ивановна, – отозвалась Виктория, невольно улыбнулась при слове «гамак». Зорин вчера чуть не порвал их гамак. – Я на прополку.

– Хорошо, когда много энергии, – восхитилась хозяйка дома. – Ну, ежели устанешь, сразу скажи. Пообедаем и отдохнём.

– Скажу, – Вика опять подняла на лоб очки, надела перчатки и направилась к месту прополки, там травы, действительно, было много.

– А я тоже умею полоть, – услышала она заявление, как только выдернула из мягкой земли несколько пучков сорняков. Подняла глаза – за забором стояла Валя. Сегодня она опять была лохматой – из криво сделанного хвостика во все стороны торчали негустые волосики.

Глава 30

– Какой же удивительный вечер ты подарила мне, Мира, – сказал Валера, глядя на неё с восхищением и нежностью. – Давно я так вот не сидел и не вспоминал своё детство, юность, да и не с кем было. Сколько же тогда было светлого, чистого. Настоящего.

– И я рада нашей встрече, Валера, – она посмотрела на часы. – Но уже поздно, пора домой.

– Тебя ждут? – Валера расплатился с официантом. Тот благодарно кивнул.

– Ждут, – она улыбнулась.

– Мама? Кстати как она?

– Мамочка хорошо, она повторно вышла замуж. Но меня ждёт не она, – Мира взяла в руки телефон – муж за весь вечер, думая, что она на работе, написал с десятков сообщений, в которых сначала желал ей скорей закончить этот ужасный отчёт, который крадёт его жену, затем напомнил, чтобы Мира хотя бы попила чаю. Потом была серия сообщений о том, что он приготовил потрясающий ужин, включающий в себя запечённые утиные ножки с грушей и розмарином. При упоминании утки Мирослава невольно улыбнулась – если она съест ещё и утку, запеченную мужем, тогда точно перевыполнит план по поеданию водоплавающих. Последние два сообщения от Данилевского были о том, как он соскучился, как он её любит и не видел уже сто лет. – Муж, меня ждёт муж, – сказала она, поднимаясь из-за стола.

– Я понял, – кивнул Валера и, как показалось Мире, помрачнел. – Я уже давно обратил внимание на кольцо на твоей руке. Но тешил себя иллюзиями, до последнего.

– Валера, – она даже растерялась.

– Всё отлично, – он выдал улыбку, а глаза оставались серьёзными. – Ты разрешишь довезти тебя до дома?

– Лучше не надо, – Мира помотала головой. – Я на такси доберусь. Спасибо тебе, Валерочка, ты прав – вечер удался, мне тоже было приятно вспомнить прошлое, наших друзей,

наши игры. И к тому кухня в этом ресторане, действительно, превосходна, – она заказала такси по телефону.

– Я могу позвонить тебе, как-нибудь? – спросил Валера, спускаясь позади Миры по лестнице.

– Думаю, не стоит, – ответила она, обернувшись.

– Ты всегда была прямолинейна, – без обиды сказал он.

– Зато не возникают двусмысленности и непонимания, верно? – Мира первой вышла на улицу.

– Верно, – согласился Валера, – тогда хотя бы до такси я могу тебя проводить?

– Можешь, – разрешила она. – Нам налево.

Мира вошла в квартиру, сбросила босоножки прямо у входа, порылась в сумке, выудила оттуда телефон. В нём висело сообщение от Валеры «Надеюсь, ты счастлива».

– Что там? – Димка так неожиданно появился рядом, что она вздрогнула. Поверх майки на нём был фартук, волосы взъерошены.

– Море сообщений от тебя, – ответила Мира и разругалась.

– А почему ты покраснела? – Данилевский приблизился к жене, намереваясь её поцеловать.

– Потому что, – выдала Мира самое распространённое женское объяснение.

– Да? – он поцеловал её в губы, едва касаясь, легко. – Надеюсь, ты закончила свой отчёт? – ещё поцелуй.

– Закончила, – ответила Мира, глядя мужу в глаза.

– Удачно? – поцелуй.

– Надеюсь.

– Тогда мыть руки и за стол, – отправился на кухню. Мира молча пошла вслед за мужем.

Пришлось есть утку и нахваливать, хотя, Димка, действительно, постарался. Пока он суетился на кухне – вынул форму из духовки, нарезал свежие овощи, раскладывал по тарелкам, наливал сок, всё это время Мирослава наблюдала за ним. Они прожили в браке два с половиной года – вроде бы немного, но за это время успели не просто привязаться, а сродниться, что ли. Мире нравилось то, что муж неравнодушен к её делам, он всегда внимательно выслушивал все её рассуждения, не имел привычки лезть с советами и уж, тем более, поучать. Она, в силу своего независимого характера и почти мужской сдержанности, понимала, что порой с ней бывает непросто. Но Дима как-то ловко лавировал между тем, чтобы не вступать в конфликты и одновременно не стать подкаблучником.

– Почему ты так на меня смотришь? – он сел напротив, взял в руки вилку.

– Любуюсь, – совершенно серьёзно ответила Мира.

– Да? Такое может быть? – жуя, усмехнулся Дима.

– Думаю, что да, – Мира сделала глоток сока.

– Ты совсем не ешь, – заметил он, – невкусно?

– Очень вкусно, правда, – пришлось съесть всё, что было в тарелке. Не признаваться же в том, что она плотно поела, тем более, в ресторане. После ужина Дима сел на диван, включил телевизор. Загрохотали новости, затем реклама. Мира вышла на террасу.

Небо над головой было всё ещё голубым, хотя местами и с более тёмными прожилками, которые двигаясь вдаль, радикально меняли свой цвет: плавный переход пудровых мазков в розовый цвет, затем в жёлтый, который ближе к горизонту становился оранжевым, будто именно там всполохнуло пламя. И совсем уже далеко тонкая алая полоса заката, на фоне которой на одной из высоток мерцали большие рекламные буквы известного бренда Samsung. Чуть правее под нежно-зелёной подсветкой виднелись купола храма, похожие на огромные свечи. Мире вспомнилось, что купола церквей своей формой чаще всего напоминают либо пламя свечи, либо шлем, олицетворяя собой небесное воинство. С левой стороны как раз было видно

два таких купола-шлема, но тот храм был несколько меньше. В окнах многих зданий – жилых и офисных горел свет. Поблёскивали покатые крыши. На некоторых из них по периметру светились неоновро-розовые огоньки. Вдали узнаваемо очерчивался силуэт высотки с Котельнической набережной. Из труб одного из зданий – тоже очень далеко – шёл дым. Мира посмотрела вниз. Бесконечный поток автомобилей со светящимися глазами-фарами застыл лишь на светофорах. Некоторые из них – счастливики – сворачивали в ближайшие дворы, где парковались с трудом, оставляемые своими хозяевами на ночь. Чтобы утром опять отправиться в путь. И так каждый день.

– Устала, моя девочка? – Дима подошёл неслышно. Обнял Миру за плечи.

– Не, ничего. Любуюсь вечерней Москвой, – отозвалась она. – Мне нравятся огни большого города. Димк, – посмотрела на мужа.

– Да, родная, – он смотрел вдаль, чуть сощурившись.

– Давай как-нибудь поездим по ночной Москве? – предложила сходу.

– Давай, почему бы и нет. Только, может, в пятницу или субботу? Ну, чтобы не на работу на следующий день.

– Хорошо, – поцеловала мужа в нос. – Я тебя люблю, Данилевский. Ты лучший, знаешь об этом?

– Догадываюсь, – он засмеялся.

Глава 31

Всеволод приехал на работу пораньше, хотелось посидеть в тишине, попить кофе и посмотреть сетевые новости. Пока всё опять не закрутилось, не зазвонили бесконечные телефоны, совещания, вопросы, проблемы, решения, люди. Нет, он любил свою работу, но иногда хотелось притормозить и выдохнуть.

– Всеволод Юрьевич, доброе утро, – он остановился как вкопанный. В коридоре перед его кабинетом стояла, как её там... а, путеводная нить. Улыбающаяся, надушенная чем-то сладким, со светлым ворохом кудрей, собранных в хвост. – Простите, я подумала, что прийти пораньше будет правильнее.

– Подумала она, – пробурчал Всеволод, настроение сразу испортилось. Кофе и новости отменяются. – Ну, проходите. Надеюсь, документы с собой?

После длительного и небеспристрастного тестирования, Всеволод поручил девицу начальнику отдела маркетинга. Пусть попробует там поработать, время покажет. В ходе собеседования и тестирования отвечала она бойко, убедительно, но без лишней самоуверенности.

Перед обедом к Всеволоду зашёл начальник отдела маркетинга. Всеволод, разговаривая по телефону, знаком показал ему садиться. Когда закончил разговор, что-то поискал в компьютере и, наконец, повернулся к подчинённому.

– Что, Слава?

– Всеволод Юрьевич, какого замечательного специалиста вы привели, – воскликнул тот. – Ариадна быстро вникла во всё, что я ей показал, кое-что даже посоветовала. Ну, тактично, конечно. У неё цепкий ум и отличная память.

– И как всё это за полдня ты успел понять, Слава? – усмехнулся Всеволод.

– Так человека сразу видно, – наивно ответил Слава.

– Если бы, – Всеволод поднялся из-за стола. – В общем, пока берём эту девицу на испытательный срок, а там посмотрим.

– Она вам не понравилась?

– Главное, чтобы она понравилась тебе, Слава. Потому что тебе с ней работать и тебе принимать решение – будет она у нас работать постоянно или нет. У тебя всё? Мне в обед надо съездить на встречу с заказчиком. Он ждать не станет, сроки и так горят, – направился к выходу.

– Я понял, Всеволод Юрьевич, – Слава вышел из кабинета вслед за шефом. – Вы не против, если я попытаюсь ухаживать за Ариадной? Приглашу её куда-нибудь.

– Почему ты у меня спрашиваешь на это разрешения? – удивился Всеволод.

– Ну, вроде Ариадна – дочь компаньона вашей матери.

– Откуда информация?

– Она сама сказала.

– Длинный язык и чрезмерно сладкие духи, – хмыкнул Всеволод, – Слава, делай, что хочешь. Ухаживай, влюбляйся, даже женись, моё разрешение тебе не нужно. Дерзай, просто-душный, – с этими словами он решительно направился по коридору к выходу.

Всеволод вернулся в офис лишь ближе к вечеру. После встречи с заказчиком, пришлось ехать в банк, потом позвонили с дочерней компании, а в городе пробки, в общем, намотался – так и не пообедал. Попросил секретаршу сварить кофе и отпустил её домой.

– Простите, Всеволод Юрьевич, – в дверях стояла Ариадна.

– День начался с вас, и вы решили, что закончить я его должен тоже вами? – он оторвался от монитора компьютера, потёр глаза.

– Я просто хотела поблагодарить вас, – девушка переминалась с ноги на ногу. – Спасибо, что взяли меня в свою компанию. Мне здесь очень нравится.

– Благодарить рано, вы отработали всего день. Нагрузка будет куда больше и, уверяю вас, далеко не сразу станет получаться то, что от вас будут требовать, – предупредил Всеволод, его взгляд невольно скользнул по её длинным ногам. И каблуки – как на таких можно ходить? Хотя, сейчас многие девицы подобны канатоходцам.

– Я работы не боюсь и мне всё интересно, – заявила Ариадна.

– Ну-ну, – с нескрываемой иронией сказал Всеволод, неловко повернулся, задел чашку с кофе и вылил её содержимое. Попало на бумаги, на брюки и частично на белую рубашку. – Твою дивизию! – выругался он, вскочил, стал стряхивать кофе с бумаг, потом с брюк. Если на них попало мало, то на рубашке предательски расплылось коричневое пятно. Бумаги тоже пострадали.

– Я помогу, – подскочила Ариадна с влажными салфетками в руках и стала ими промокать пятна на столе и на бумагах. Пока они суетились, успели столкнуться друг с другом и одновременно извиниться.

– Пятно на рубашке тоже промокнуть салфеткой? – озвучил вопрос Всеволод, осматривая себя.

– Да, промокнуть, но не тереть, – ответила Ариадна, – иначе загрязнение проникнет глубоко в волокна материала, и оттуда вывести его уже не получится. Дома справится либо хозяйственное мыло, либо глицерин с нашатырным спиртом, или ещё перекись водорода. Хотите, я помогу вам?

– Нет уж, спасибо, мне есть кому помочь, – он прицелился и метко кинул использованный комок салфеток в мусорную корзину.

– А ваша мама говорила, что вы в разводе, – Ариадна расширила свои голубые глаза, захлопала ими.

– Я разве утверждал обратное? – Всеволод почувствовал напряжение.

– Но вы сказали, что есть кому.

– Как насчёт помощницы по дому? Или химчистки? Или, в конце концов, жены моего брата? – предложил он сходу несколько вариантов. – Наверняка, моя мамочка ввела вас в курс, что её младший сын женат? Правда, она не приняла выбор Димки, но тут уж ничего не поделаешь. Мы – давно повзрослевшие мальчишки.

– Простите, я веду себя неправильно, – Ариадна отступила, стала застёгивать сумочку.

– Севка, я тут подумал вытащить тебя в спорт-бар, – в дверях стоял Дима. Увидев незнакомую девушку в кабинете брата, он несколько растерялся.

– Здравствуйте, – первой сказала Ариадна. – Вы, наверное, Дмитрий? – спросила она, рассматривая его с любопытством.

– С утра им точно был, – насмешливо ответил Дима. – Здравствуйте, незнакомка.

– А мы знакомы. Точнее, когда-то очень давно вы приезжали к нам в гости со своим братом. Я тогда была маленькой. Но запомнила вас обоих.

– Да? – с сомнением протянул Дима.

– Ариадна – дочь Ильи Ильича, – пояснил Всеволод. – По просьбе нашей матери теперь будет работать здесь, – он выразительно закатил глаза.

Глава 32

– Ну что, узнал я адрес Глеба Платова, – сказал Николай после короткого разговора с кем-то по телефону. – Адрес не его проживания в Москве, конечно, а прописку. Но и это уже кое-что, – он посмотрел в телефоне сообщения, адрес был там. – Кстати, телефон этого парня так и находится вне зоны доступа?

– Да, увы, – отозвалась Надежда, она сидела в кресле с книгой. Недавно звонила свёкру, справлялась о дочери.

У них там жизнь кипела – каждый день ходили купаться на реку, Саша уже вполне прилично плавала, теперь она соревновалась с дедом, Ваня барахтался у берега – за ним следила Маша. Один раз отвлеклась и не заметила, как сын вошёл в воду довольно глубоко. Но испугаться не успел, Маша подхватила мальчишку на руки и вынесла на берег. По вечерам приходил сосед, и они с Владимиром Григорьевичем увлечённо играли в нарды, периодически издавая громкие возгласы победы или проигрыша. Саша крутилась возле них, пытаясь понять правила. Один раз Ваня смахнул с поля нардовые шашки отца, а в другой раз спрятал в карман своих шорт игральные кости. За шашки получил наказание от матери, Владимир Григорьевич так растерялся, что потерял дар речи, тем более что уже почти выиграл, а тут такой казус. Он, вообще, старался младшего сына не наказывать – не мог себя переломить, ему казалось, что Ванятка такой маленький, такой беззащитный. Его любовь к мальчишке напоминала больше любовь деда, чем отца. Поэтому всё и прощал своему озорнику. Но когда мальчишка спрятал кости и их никак не могли найти, до тех пор, пока Саша не вспомнила, что вроде бы утром возле коробки с нардами крутился Ваня, его спросили напрямую: брал ли он кости? Тот замолтал головой и убежал во двор. Глава семьи пошёл за сыном.

Вернулись они через полчаса, и, похоже, Ваня плакал. Отец его, конечно, не отшлёпал, но зато разговор был весьма серьёзным. Непривычно строгий голос, холодный взгляд из-под очков напугали мальчишку больше, чем то, как его наказывала мама. Отец же отругал даже не за воровство, а за ложь. Они условились, что Ваня никогда не будет брать чужое и лгать. Весь вечер мальчик не отходил от отца и заглядывал ему в глаза – сердится ли ещё? Когда отец взял его на руки – успокоился.

Затем отличилась Саша – увидела забытый Машей в гостиной на столе карандаш для бровей, которым та давно не пользовалась, а просто разбирала косметичку. Саша решила, что неплохо бы подрисовать и себе брови – какие-то они невыразительные. В результате одна бровь вышла дугой, причём шибко удивлённо приподнятая, вторая волнистая. Маша, увидев это чудо современного макияжа, захохотала так, что в окно со двора заглянул Владимир Григорьевич, он как раз проходил мимо. На вопрос деда, что это такое у Сашульки вместо бровей, та ответила, что хотела стать красивой. А почему брови такие разные, Саша, подумав, пояснила: в душе она немного перфекционистка. Сдерживая смех, дедушка уточнил, знает ли она значение этого слова? Саша ответила правильно, но вот каким образом её душевный перфекционизм связан с криво накрашенными бровями, объяснить не смогла. Маша назвала девочку «моя ты Эдит Пиаф» и принялась смывать карандаш с её бровей.

Всё это Надя рассказала мужу, и они от души посмеялись, такие новости любому поднимут настроение. Спину у Николая отпустило, он съездил в свой рабочий офис, потом в пару мест, где надо было сделать серию снимков. Домой вернулся ближе к вечеру.

– Как ты думаешь, где этот мальчик проживает? – Николай сел рядом на диван, вытянул длинные ноги.

– Постой, попробую угадать, – Надя отложила в сторону книгу. – В Твери?

– Не устаю удивляться твоей проницательности, – покачал головой он.

– Да нет тут никакой проницательности, – усмехнулась Надежда. – Просто я вспомнила, как Костя упоминал, что Глеб сорвался к заболевшему деду в Тверь. А если мальчик приезжий, снимал квартиру в Москве, то, скорее всего, он и приехал из Твери. Простое сопоставление фактов.

– Нет, ты гений детективного дела, – Николай поймал руку жены и поцеловал её.

– А ты знаешь, я никогда не была в Твери, – задумалась Надя. – Только читала об этом городе. Пожалуй, не отказалась бы туда съездить, как думаешь? – посмотрела на мужа. Он потёр подбородок.

– Ну что ж, я был там давно и тоже не отказался бы посетить этот прекрасный город, – сделал паузу. – На машине или как?

– Или как – можно конкретнее?

– Вроде бы туда ходит скоростной поезд «Ласточка», немногим меньше двух часов – и ты в Твери. Да, кто-то из ребят в редакции был там недавно и рассказывал, – вспомнил Николай.

– Давай поедem на «Ласточке», а? – попросила Надежда. – Есть в этом что-то романтическое. Совместим приятное с деловым. Мы свободны, ты, думаю, легко отпросишься на день с работы, у меня отпуск, Сашка пристроена у наших на даче. Всё складывается так, что нам надо съездить в Тверь.

– Как у тебя загорелись глаза, Наденька, – удивился Николай.

– Просто мы с тобой с прошлого года никуда вместе не ездили. Даже на дачу ездим вразнобой. А тут такая возможность. Я люблю с тобой путешествовать, – села рядом, положила голову на плечо.

– Я тоже люблю с тобой везде бывать, – ласково погладил супругу по щеке. – Тверь так Тверь. Мы придумали, что скажем мальчику по имени Глеб?

– На месте сориентируемся, – махнула рукой Надежда.

Они сели в скоростной поезд ранним утром, народу было немного, хотя по ходу остановок, а их было одиннадцать, люди активно заходили и выходили из поезда. Где-то ближе к Твери набралось больше половины вагона. Поезд шёл быстро и одновременно очень плавно. За большими чистыми окнами мелькали населённые пункты, пролески, дачные домики, даже клочки участков земли, на которых уже в полусогнутом положении работали люди. Обильно цвёл картофель, обещая хороший урожай. Николай купил в вагоне чай для Нади, который разносила проводница в форме. Ну, почти как в самолёте. Надежда сидела у окна и с любопытством, восторженно чисто по-детски смотрела на меняющийся за ним ландшафт. Николай, читая журнал, украдкой наблюдал за женой. Она время от времени показывала ему особо впечатляющие её картинки за окном. Он снисходительно улыбался и кивал. Он очень любил свою жену – особенно за её умение восхищаться и радоваться простым вещам. С годами эти качества Надя не утратила.

Наконец, на электронном табло высветилась надпись «Тверь» и время, по которому они прибыли в этот чудеснейший город. Двери открылись.

– Да? А кто тебя научил полоть? – спросила Виктория, бросила сорванный пучок сорняков в проход между грядками, опустила очки на глаза.

– Мама, – тихо ответила Валя.

– Какая молодец, – Вика уловила в её голосе печаль и попыталась подбодрить. – А ты знаешь, на сегодня мне так нужна помощница. Василиса ещё слишком маленькая, а Марья Ивановна занята. Может, ты станешь моей помощницей, Валечка?

– Да, я могу вам помочь, – застенчиво ответила девочка.

– Марья Ивановна, – крикнула Виктория, – я сюда пригласила девочку Валу, вы не против?

– Конечно, я не против, – Марья Ивановна спустилась со ступенек крыльца, вытерла мокрые руки о передник, – Валечка, проходи, детка, – дружелюбно сказала она. – Давно я тебя не видела. Вика, сделай вот что: сорви Вале клубники – пусть полакомится. А я пока приготовлю тесто и испеку пирог с черникой, сверху посыплю сахарной пудрой. Эх, тряхну стариной, – с этими словами она зашла в дом.

Валя скромно поела клубники – взяла из миски всего несколько ягод, сказала, что наелась. Виктория попросила у Марьи Ивановны ещё одну косынку для своей помощницы. Прежде чем повязать ей косынку, провела по волосикам – тонкие, мягкие, волнистые на висках. Валя от прикосновения её руки вздрогнула, обернулась, но промолчала. Вика даже смутилась, быстро повязала девочке косынку и показала на тот кусок земли, где им предстояло поработать.

Валя ловко выдёргивала сорняки и, как, оказалось, знала названия многих растений, чему Виктория восторженно удивлялась. Она несколько раз заглядывала за угол дома – смотрела, чем занята дочь. Наконец, прополку закончили и сели на лавочку возле дома. Солнце изрядно припекало, а здесь была тень, которая создавала приятную прохладу. Недалеко от дома высились пушистоволосистые стебли мальв с сердцевидными листьями и с крупными цветками в виде широких колокольчиков от нежно-розового до пурпурного цвета. Радостно густились бархатцы в покрашенной зеленым цветом автомобильной шине, рядом с ними присоседилась семейка нежно-сиреневых анютиных глазок, которые, казалось, добродушно приветствуют всех гостей, приходящих к хозяйке дома. Слева от входа висело большое кашпо с белоснежными невестами-петуньями. Возле крыльца стояла облупившаяся лейка с длинным любопытным носом, а ступеньки самого крыльца были выкрашены недавно и смотрелись почти как новые. С левой стороны дома к стене была прислонена деревянная лестница – обшарпанная, но крепкая. Вика подошла к ней и из любопытства даже залезла на пару ступенек.

Прибежала Василиса, она вдоволь наигралась в песочнице, познакомилась там со вторым котом, который позволил ей себя трогать, гладить, даже дал подержаться за хвост – недолго, ушёл в дом. Всё это Василиса попыталась рассказать, она размахивала руками, многократно повторяя «кися» и «ух». Марья Ивановна, которая с веранды тоже наблюдала за малышкой, пояснила всё, что та пыталась рассказать. После бурного проявления эмоций Вася уселась между мамой и Вале, счастливо вздохнула. Посидела ровно пять минут, затем взяла Валу за руку и потянула за дом. Теперь в песочнице мелькали уже два девичьих платьица.

– Славная девочка Валя, – Марья Ивановна села рядом с Викой, вытерла салфеткой пол, выступивший на лбу. Она уже поставила пирог в духовку.

– Да, она мне тоже нравится, – жуя травинку, отозвалась Виктория. – Только я не очень поняла – с кем она живёт?

– С отцом. Там трагичная история. У Вали год назад умерла мама – скончалась внезапно, оторвался тромб. С мужем – отцом Вали – она была в разводе и он не помогал. Хотя мотался куда-то на север и прилично зарабатывал. Но Галина, так звали маму Валечки, не подавала на алименты – гордая. Они жили в том старом доме, который ты, наверное, уже видела. Он один

из самых обшарпанных в деревне, два дома не доходя до магазина. – Вика кивнула. – Галина работала на частной ферме, Валя то в садик, то с ней на работе.

– Я обратила внимание, что девочка разбирается в растениях, – заметила Вика.

– Это у неё от матери. Галина когда-то бросила ВУЗ, так и не став ботаником. Подробности я не знаю, и не выводила. Как говорила Галя – это было в другой жизни, ведь Валечку она родила на четвёртом десятке. Жила в городе, а сюда вернулась ухаживать за заболевшей матерью. Полина Семёновна, как заболела, прожила недолго – Галину не мучила. Но после смерти матери Галя вдруг решила остаться в деревне. Валюша тут и родилась. От местного Казановы и «перекати-поле» – Генки. К удивлению всей деревни он даже женился на Галине. Через год после рождения дочери подался на заработки, а вскоре потребовал от жены развод. Галя согласилась, держать его не стала. А когда умерла... – она замолчала.

– Теперь понятно, почему сейчас девочка живёт с отцом, – сказала Вика. Она слушала со смешанными чувствами, но главным, пожалуй, была жалость. – А как же его заработки на севере?

– Да никак, – вздохнула Марья Ивановна. – После смерти Галины Гена вернулся в Беляниново, поселился в доме бывшей жены, свой-то давно продал. Но беда вся не в том, – она принялась. – Ох, Вика, кажется, пирог мой горит, – всплеснула руками и заторопилась в дом. Вика пошла следом. – Ничего, только краешек подгорел, – крикнула из кухни Марья Ивановна, – я его себе отрежу. Проходи, чего ты там встала?

Вика сняла обувь, огляделась. Сколько же лет назад она была в этом доме? Кажется, десять? Это же ещё до замужества Нади. До всех тех событий, которые так изменили жизнь двух подруг. А здесь мало что изменилось – часть мебели, обои переклеили, но всё так же множество пучков трав, которые как бельё сушились на верёвке, на полке баночки, пакетики, приправы, всевозможные чаи. Почти как дом настоящей знахарки. И книга, где-то здесь должна быть книга с описанием старинных обычаев, фольклора, заговоров, которые изучала Марья Ивановна, как историк-этнограф. А Вика тайком взяла книгу и использовала рецепт для приворота. Она вздохнула. Казалось, давно всё это было, а вошла в дом, увидела обстановку и вспомнилось. И получается, что недавно.

– Я что подумала, – Марья Ивановна вышла из кухни, – давайте пообедаем на веранде? Там сейчас тоже тень и стол большой. Всем места хватит.

– Но, Марья Ивановна, мы же не обедать к вам пришли, – попыталась возразить Виктория.

– А для чего? – хитро прищурилась хозяйка дома.

– Чтобы помочь.

– Значит, на сегодня вы мои работники, так? А хороший хозяин кормит своих работников. И больше не возражай. Девочка моя, в деревне хлебосольство – обычное дело и отказываться от приглашения к столу – обижать хозяина. Так что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.